



Управление архивами Свердловской области



**Центр документации общественных организаций
Свердловской области**

ПАРТИЙНЫЕ АРХИВЫ УРАЛА

**Прошлое и настоящее,
перспективы развития**

**Материалы межрегиональной
научно-практической конференции**

**Екатеринбург
2013**

Управление архивами Свердловской области
Центр документации общественных организаций
Свердловской области

ПАРТИЙНЫЕ АРХИВЫ УРАЛА
Прошлое и настоящее,
перспективы развития

Материалы межрегиональной
научно-практической конференции

Екатеринбург
2013

Содержание

Предисловие	7
Раздел I. Из истории партийных архивов	
<i>Е.И. Яркова</i> Из истории создания Свердловского партархива. Деятельность Уральского бюро истпарта в начале 1920-х гг.	8
<i>С.А. Ревнякова</i> Первое десятилетие работы Партийного архива Курганской области	11
Раздел II. Современные проблемы функционирования партийных архивов	
<i>А.С. Смыкалин</i> Проблемы научных исследований по документам КПСС	15
<i>Т.С. Семенова</i> Документы партийных и комсомольских органов как составная часть печатных изданий по истории Оренбургской области советского периода: проблемы выявления и публикации	18
<i>А.А. Гагарин, И.В. Иванова</i> К вопросу об использовании документов партийных архивов: публикаторская деятельность в ГКУСО «Центр документации общественных организаций Свердловской области»	22
<i>С.А. Пономарев</i> Создание современных справочно-поисковых средств – необходимое условие для привлечения пользователей в партийные архивы	25
<i>И.Ю. Федотова, А.Г. Васильева</i> Об использовании документов КПСС в читальном зале архива (из опыта работы Пермского государственного архива новейшей истории)	28

В.В. Каплюков
О состоянии и перспективах работы ЦДООСО по выявлению и постановке на учет особо ценных документов 36

Раздел III. Источниковедческие и исторические исследования на материалах партийных архивов

Е.Ю. Баранов
Архивные документы по теме голода начала 1930-х гг. на Урале: оценка информативного потенциала исторических источников (по материалам Центра документации общественных организаций Свердловской области) 41

А.В. Сушков
Политические преобразования в СССР в 1937 г.: планы И.В. Сталина и их практическая реализация на Среднем Урале (по материалам Центра документации общественных организаций Свердловской области) 49

Н.В. Мельникова
Материалы Центра документации общественных организаций Свердловской области как источники изучения повседневности закрытых атомных городов 58

ПРЕДИСЛОВИЕ

8 ноября 2013 года в Екатеринбурге проводится межрегиональная научно-практическая конференция «Партийные архивы Урала. Прошлое и настоящее, перспективы развития». Инициаторами проведения и организаторами конференции выступили Управление архивами Свердловской области и Центр документации общественных организаций Свердловской области.

К участию в конференции приглашены специалисты, представляющие Российский государственный архив социально-политической истории; органы управления архивным делом и центры хранения архивных документов по социально-политической истории субъектов федерации, расположенных в пределах Уральского, Приволжского и Сибирского федеральных округов; ученые и специалисты, работающие с материалами бывших партийных архивов.

В ходе конференции предполагается заслушать доклады и сообщения по широкому кругу актуальных проблем интеграции бывших партийных архивов в систему государственных архивов Российской Федерации; обеспечения должной открытости в их работе; совершенствования практики использования архивных документов в научных исследованиях; работы с обращениями органов власти и управления, социально-правовыми запросами граждан; публикации и обеспечения сохранности архивных документов; внедрения в практику архивного дела современных информационных технологий.

Часть планируемых выступлений посвящена проблемам формирования и развития источниковой базы исследований с использованием материалов бывших партийных архивов, вопросам истории их становления в первые годы советской власти; результатам исследований с использованием материалов бывших партийных архивов актуальных проблем истории Урала.

В настоящем сборнике публикуются тезисы заявленных выступлений, поступившие в оргкомитет до предельного срока, оговоренного в приглашениях. Тексты представлены в авторской редакции и подвергнуты в отдельных случаях лишь незначительной стилистической правке.

Оргкомитет

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ СВЕРДЛОВСКОГО ПАРТАРХИВА. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УРАЛЬСКОГО БЮРО ИСПАРТА В НАЧАЛЕ 20-х гг.

В июле 1929 г. постановлением Уральского обкома ВКП(б) было образовано Уральское отделение единого партийного архива ВКП(б), которое с созданием Свердловской области в 1934 г. получило название Свердловского партийного архива, а затем – Партийного архива Свердловского областного комитета КПСС. Однако начало формированию архивного фонда партийных органов Свердловской области было положено задолго до этого постановления и было связано с деятельностью Уральского бюро истпарта.

Уральское бюро истпарта являлось региональным отделением Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б), созданной в 1920 г. Истпарт занимался сбором, научной обработкой и изданием материалов по истории коммунистической партии и Октябрьской революции на территории Екатеринбургской губернии, координировал работу губернских истпартов Перми, Тюмени и Челябинска. Первое заседание Уральского бюро истпарта состоялось 23 ноября 1920 г.

Постановлением Оргбюро ЦК РКП(б) от 2 декабря 1921 г. вся структура истпарта из подчинения органов просвещения была полностью передана в ведение партийных органов. С 1 декабря 1921 г. все сотрудники центрального истпарта в Москве стали сотрудниками секретариата ЦК РКП(б); все местные бюро истпарта (областные и губернские) должны были быть введены в штаты соответствующих губкомов и областкомов партии¹.

На областном уровне постановление ЦК было исполнено только в 1922 г. 6 мая на заседании Уралбюро ЦК РКП(б) было решено считать Екатеринбургское губернское бюро истпарта его структурным подразделением. На этом же заседании Уралбюро ЦК РКП(б) утвердило коллегия истпарта в составе трех человек во главе с Владимиром Александровичем Воробьевым².

6 мая 1922 г. можно по праву считать началом формирования областного архивного фонда документов КПСС, ибо в этот день Уралбюро ЦК РКП(б) распорядилось «передать для использования старые дела Уралбюро в бюро истпарта», а также утвердило постановление Екатеринбургского губкома РКП(б) от 26 апреля 1922 г. о передаче для использования и хранения истпарту «старых» дел губкома и укомов.

¹ ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 31. Л. 2.

² Там же. Д. 68. Л. 32.

Областное бюро истпарта сразу же приступило к работе. Во исполнение апрельского 1922 г. решения Екатеринбургского губкома РКП(б) об организации «в течение лета... выставки по истории РКП(б) и рабочего движения» к 3-й годовщине освобождения Екатеринбурга от Колчака (15 июля 1922 г.) губернским бюро истпарта была открыта выставка «Колчаковщина и гражданская война на Урале»¹.

В архивных документах ЦДООСО сохранился отчет об этой выставке, написанный В.М. Быковым, одним из руководителей Уральского истпарта, для журнала «Уральский коммунист»². Экспозиция занимала три комнаты. Выставлялось 200 больших стендов с нашитыми на них экспонатами. Количество экспонатов составило до 2 тысяч, в том числе 465 фотографий, 64 портрета, 115 экземпляров газет и журналов, 1010 печатных произведений, 150 рукописей, 25 плакатов, 6 карт, 40 колчаковских дензнаков, орденов и других предметов³. Выставка включала в себя 7 отделов, более половины которых были посвящены белой армии, что свидетельствует об объективности устроителей выставки при подборе материала. В качестве недостатков выставки В.М. Быковым были отмечены теснота помещений, не позволявшая проводить экскурсии для больших групп посетителей, и «невозможность за отсутствием средств и свободных сил издать хотя какой-нибудь каталог»⁴. С 15 июля по 28 августа 1922 г. на выставке побывало 5420 человек⁵.

23 декабря 1922 г. на заседании секретариата Уралбюро ЦК РКП(б) было утверждено временное положение об Уральском бюро истпарта. По этому положению в его коллегия были введены представители Уралбюро ЦК РКП(б) и Уралбюро ЦК ВЦСПС⁶. Видимо, таким образом Уралбюро ЦК РКП(б) пыталось ограничить самостоятельность истпарта, поскольку Уральский истпарт и его деятели в начале 1920-х гг. проводили довольно независимую политику. Так, 11 мая 1923 г. секретариат Уралбюро ЦК РКП(б) слушал вопрос о протесте Уралбюро истпарта по поводу места закладки памятника Я.М. Свердлову в г. Екатеринбурге и был вынужден передать этот протест в Екатеринбургский губком РКП(б), предложив создать совещание для окончательного решения этого вопроса⁷. 12 июня 1923 г. секретариат Уралбюро ЦК РКП(б) «поставил на вид» (то есть объявил партийное взыскание – Е.Я.) В.М. Быкову за издание без его ведома брошюры

¹ ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 68. Л. 32.

² Там же. Д. 160. Л. 8-11.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 11.

⁵ Все население Екатеринбурга составляло тогда около 100 тысяч человек.

⁶ ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 30. Л. 81.

⁷ Там же. Д. 179. Л. 53.

«Из жизни уральских организаций» и отказался оплатить счет за издание этой брошюры¹. 21 августа 1923 г. секретариат Уралбюро ЦК РКП(б) постановил отсрочить издание книги Быкова В.М. «История РКП на Урале» «с тем, чтобы она была более тщательно подготовлена»². Вероятно, с целью усиления контроля над деятельностью областного истпарта Секретариат Уралбюро ЦК РКП(б) решил в июне 1923 г. даже территориально переместить бюро истпарта «в помещение Уралбюро ЦК РКП(б)»³.

Кроме организации выставок, выпуска брошюр и книг по истории партии и революции Уральский истпарт в начале 1920-х гг. вел и другую агитационно-пропагандистскую работу, например, выступил в качестве одного из организаторов сооружения в Екатеринбурге памятника Я.М. Свердлову. По поручению Уралбюро ЦК РКП(б) Уральским истпартом был проведен всероссийский конкурс проектов памятника, условия которого были опубликованы в «Уральском рабочем», «Известиях ВЦИК» и «Петроградской правде».

На конкурс было представлено 23 проекта: 3 из Москвы, 13 из Петрограда, 4 из других городов, 3 из Екатеринбурга⁴. Заведующий истпартом В.М. Быков обратился к Уралбюро ЦК РКП(б) с предложением до решения жюри устроить выставку проектов с тем, чтобы «подвергнуть их широкой оценке товарищей и, может быть, организовать дискуссию по поводу оценки проектов». Для организации выставки В.М. Быковым были запрошены 42000 рублей из «фонда памятника тов. Свердлова». 27 октября 1923 г. секретариат Уралбюро ЦК РКП(б) организацию выставки признал целесообразной, но без материальных затрат⁵.

В конце 1923 г. после районирования Уральской области Уралбюро ЦК РКП(б) было упразднено, и истпарт стал структурным подразделением Уральского обкома РКП (б). Согласно проекту штатов последнего, предложенному комиссией Уралбюро ЦК РКП (б) еще 15 мая 1923 г., в истпартотдел обкома должны были войти 4 сотрудника (заведующий, 2 ученых сотрудника, технический сотрудник)⁶.

Е.И. Яркова,
к. и. н., заместитель директора – главный хранитель фондов
Центра документации общественных организаций
Свердловской области

¹ ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 179. Л. 100; Д. 331. Л. 77.

² Там же. Л. 66; Д. 331. Л. 100.

³ Там же. Л. 101; Д. 331. Л. 77.

⁴ Там же. Д. 186. Л. 175.

⁵ Там же. Д. 179. Л. 216; Д. 331. Л. 132.

⁶ Там же. Л. 176

ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ РАБОТЫ ПАРТИЙНОГО АРХИВА КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ (из истории Партийного архива Курганской области 1943–1954 гг.)

Начало формированию сети партийных архивов было положено постановлением СНК РСФСР от 21 сентября 1920 г. «Об учреждении Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории РКП(б) (истпарт)». Окончательное оформление самостоятельной системы партийных архивов произошло с утверждением 29 июня 1929 г. Секретариатом ЦК ВКП(б) «Положения о Едином партийном архиве». Спустя десятилетие постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б) от 2 декабря 1939 г. все партийные архивы перешли в ведение местных партийных органов, т. е. стали частью партийного аппарата.

История Партийного архива Курганской области начинается с момента образования области 6 февраля 1943 г., когда в процессе создания областного партийного аппарата встал вопрос о необходимости организации партийного архива. 19 июня 1943 г. Курганским обкомом ВКП(б) было принято решение: «Просить ЦК ВКП(б) разрешить организацию областного партийного архива при Курганском обкоме ВКП(б) в составе 4-х ответственных работников и 2-х технических». Вскоре такое разрешение было получено, однако штат работников был утвержден в составе заведующего архивом, научного сотрудника и архивариуса¹.

Фактически работа партархива началась в марте 1944 г., когда из г. Челябинска были перевезены все архивные партийные документы, относившиеся к Курганской области. Первым заведующим архивом был утвержден Максим Яковлевич Беляшов, участник революции и гражданской войны, впоследствии советский и партийный работник.

Выделенное для архива помещение располагалось в доме 73 по улице Советской, в здании финансово-хозяйственного отдела обкома партии. Под архив были отведены две комнаты (около 20 кв. м). Не было умывальника, мыла, полотенца, ведер, тряпок для того, чтобы вымыть пол и стереть пыль. Двери на замок не закрывались, печь разваливалась, «при топке сквозь щели проваливалась искра»², на окнах не было решеток, крыша протекала.

¹ ГКУ «Государственный архив общественно-политической документации Курганской области» (ГАОПДКО). Ф. 166. Оп. 1. Д. 45. Л. 7.

² ГАОПДКО. Ф. 5857. Оп. 2. Д. 2. Л. 1.

Несмотря на бытовые и материальные трудности, небольшой штат работников и недостаток опыта, уже в первые месяцы работы были исполнены запросы партийных организаций и воинских частей, а также закончена научно-исследовательская работа «Разгром кулацкого мятежа»¹.

Условия работы партархива были несколько улучшены в первой половине 1945 г., когда в его распоряжение были выделены дополнительно две комнаты. В здании был проведен ремонт. В 1947 г. архив располагал уже пятью комнатами (кабинеты заведующего и сотрудников, три – архивохранилище). Однако оставалась нерешенной проблема сохранности документов, так как здание отапливалось обычными печами, а рядом располагались автомастерская, гараж и склад горючего.

21 декабря 1948 г. партархив был переведен в основное здание обкома, в большей степени отвечающее требованиям сохранности документов (центральное паровое отопление, специальная электропроводка, окна с решетками, противопожарный водопровод). Под архив были выделены четыре комнаты, в том числе одна (25,5 кв. м) – для работы аппарата архива. С переездом в 1952 г. в новое здание обкома партии под хранилище был выделен подвальный этаж, в котором пол и потолок были бетонными; для проветривания помещения установили вентилятор. В 1953 г. для наблюдения за температурой и влажностью воздуха в хранилищах были установлены пять психрометров. При том, что архиву было отведено в новом здании 240 кв. м, загруженность хранилищ изначально составила 98 %.

Долгое время штат архива не был укомплектован. Вся работа исполнялась заведующим партархивом и архивариусом Зинаидой Ивановной Кузнецовой. Основными задачами сотрудников в первый год работы стали архивно-техническая обработка документов, их систематизация и учет. Большая часть архивных материалов при транспортировке перемешалась, оторвались ярлыки. Так как первоначально помещение архива не было оборудовано стеллажами, четверть документов хранилась на полу.

Работа шла медленно, так как сотрудники архива не имели необходимого образования, в инструкциях встречались незнакомые работникам термины.

Переданные от Партийного архива Челябинской области документы нуждались в научной обработке. Использовать их для научно-исследовательской и справочной работы было чрезвычайно сложно, поскольку заголовки дел не раскрывали их содержания, многие единицы хранения были ошибочно отнесены к тем или иным фондам и т. д. Поэтому основной задачей на 1945–1947 гг. стало проведение архивно-технической обработки фондов, начатой с появлением первого научного работника Николая Ива-

новича Власова. В 1946 г. в штат был введен еще один научный работник – заведующий фондами Владимир Николаевич Казимирский. Обработка фондов включала этапы просмотра дел «от корки до корки»¹, выявление материалов, не относившихся к фондам или не подлежащих хранению, нумерование листов, подготовку заверительных надписей, внесение исправлений в заголовки, оформление обложек, при необходимости – реставрацию и т. д.

К 1950 г. все имевшиеся в архиве фонды были обработаны, поэтому было решено провести очистку дел от документов, не подлежащих хранению, – вторых экземпляров, черновиков и т. д. Одновременно с этим планировалось изъятие документов, предназначенных для хранения в госархивах, – протоколов заседаний окрисполкома, райисполкома, профсоюзных организаций и др. Предполагалось, что чистка фондов сделает их более доступными для исследователей.

В первые годы работы партархива не удалось наладить публикаторскую деятельность, так как среди сотрудников не хватало квалифицированных специалистов. Только в 1947 г. распоряжением Курганского обкома КПСС был назначен редактор. Все работы, предназначенные к печати, представлялись для получения санкции секретарю обкома партии, после чего направлялись на рецензирование в Институт Маркса-Энгельса-Ленина (ИМЭЛ). В первое десятилетие работы архива были подготовлены статья «Октябрьский переворот в Шадринске»², брошюра «Из истории Курганской большевистской организации»³ и др. В основном публикаторской деятельностью занимался заведующий партийным архивом М. Я. Беляшов.

Деятельность партийных архивов строго регламентировалась ЦК ВКП(б). Выдача архивных материалов для исследовательской работы производилась лишь с разрешения секретаря обкома партии, пользование материалами осуществлялось только в здании архива. Одновременно выдавалось не более 2-3 дел. С секретными материалами могли работать только проверенные сотрудники, члены партии. Для научной работы не предоставлялись необработанные и неописанные материалы. Лица, допускаемые для работы с архивными материалами, должны были дать подписку о неразглашении содержания документов. Сотрудникам архива были даны разъяснения о необходимости соблюдения государственной тайны, недопустимости оставления документов на столах, в незапертых помещениях.

Значительный объем рабочего времени сотрудников архива занимала подготовка архивных справок, архивных выписок, копий документов по запросам партийных органов. При исполнении запросов и выдаче спра-

¹ ГАОПДКО. Ф. 5857. Оп. 2. Д. 6. Л. 23.

² Там же. Д. 13. Л. 7.

³ Там же. Д. 27. Л. 22.

¹ ГАОПДКО. Ф. 5857. Оп. 2. Д. 2. Л. 1.

вок сотрудники архива руководствовались инструкцией ИМЭЛ, основное требование которой состояло в «выдаче копий и выписок из решений партийных организаций... только партийным органам и только по их запросу»¹. Частным лицам давались рекомендации об обращении в архив через партийные органы, в которые и высылались необходимые заявителям справки.

Количество запросов с каждым годом возрастало: в 1944 г. их было 69, в 1950 г. – 147, в 1954 г. – 393. Для облегчения работы по исполнению запросов уже в 1944 г. началось составление списков исключенных из ВКП(б), а с 1947 г. – пофамильной справочной картотеки на лиц, упоминавшихся в документах. Картотеки помогали и когда заявители не указывали в запросах всех необходимых сведений, к примеру, просили подтвердить факт исключения из партии без указания года состоявшегося решения. В результате упорядочения работы срок исполнения запросов сократился в 1944–1954 гг. с нескольких дней до нескольких часов.

Много времени и сил уходило на командировки по области в целях разъяснения партийным и комсомольским работникам важности сохранения, учета и передачи документов в областной партийный архив, оказания методической помощи. Долгое время, несмотря на указания обкома партии, не удавалось организовать эффективной схемы передачи в архив документов райкомов, не имевших порой и помещений для хранения архивных материалов. На замечания многие секретари отвечали: «Подождите, закончим сев, уборку, хлебозаготовки, возьмемся тогда и за архив»².

Несмотря на все проблемы, к 1954 г. в архиве были заведены все предусмотренные инструкциями учетные документы: книга-реестр описей, книга фондов, книга поступлений фондов, фондовые карточки, алфавитная книга на основные фонды и первичные партийные организации, книга учета выдачи документов из хранилища, книга выбытия материалов из архива и др.

Таким образом, в первое десятилетие существования Партийного архива Курганской области его сотрудникам удалось в целом наладить его работу и создать предпосылки для ее совершенствования.

С.А. Ревнякова,
главный специалист отдела использования документов
и информационно-поисковых систем Государственного архива
общественно-политической документации Курганской области

¹ ГАОПДКО. Ф. 5857. Оп. 2. Д. 14. Л. 2.

² Там же. Д. 13. Л. 36.

ПРОБЛЕМЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ДОКУМЕНТАМ КПСС

Цель исторической науки всегда заключается в установлении истины. Однако анализ документов советского общества свидетельствует, что эта цель была трудно достижимой. Идеологический контроль коммунистической партии, 5-го Управления КГБ СССР (1967–1989 гг.) заставляет задуматься над проблемами социального заказа, подлинности тех или иных документов, их намеренной фальсификации, дезинформации граждан страны.

Влияние идеологии на умы людей, живших в советском обществе, было беспрецедентным. Марксистско-ленинская концепция исходила из признания не отдельной личности, но доминирующего характера государства. Это нашло отражение как во всех советских конституциях (1918 г., 1924 г., 1936 г., 1977 г.), так и во всем законодательстве советского периода. Ни один значимый документ в СССР не обходился без контроля ЦК КПСС. Широко практиковались совместные постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Любой нормативный акт предварительно контролировался коммунистической партией.

Пренебрежение правами человека в СССР не являлось следствием случайных деформаций развития страны, а было изначально заложено в доктрину и практику государственно-правового развития. Работа с документами в архиве Президента Российской Федерации, Центральном и региональных архивах ФСБ России дает основание для некоторых выводов по проблематике научных исследований по документам КПСС.

Принцип партийного руководства являлся основополагающим в правовом регулировании деятельности органов государственной безопасности; нередко в его основе лежали не нормативные акты советского государства, а распоряжения и инструкции ЦК КПСС. Все принципиальные вопросы, затрагивавшие функционирование органов государственной безопасности, рассматривались на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б), позднее – ЦК КПСС.

Использование секретного законодательства при реализации постановлений, распоряжений, инструкций коммунистической партии шло вразрез с легитимностью официального советского законодательства. Достаточно сопоставить «тайну переписки», закрепленную в советских конституциях, и перлюстрацию корреспонденции, проводимую органами государственной безопасности. В силу сказанного огромное количество документов имело совершенно секретный и секретный характер.

Обращаясь к проблеме рассекречивания архивных фондов, необходимо отметить, что изменение политических условий, создание нового государства позволили начать изучение в рамках программы «Возвращение архивной России» ранее недоступных исследователям документов Народно-трудового союза, Мюнхенского института изучения СССР, Объединения бывших кадетов Суворовского кадетского корпуса из Свято-Троицкой духовной семинарии (Джорданвилль, США) и др. Рассекречивание документов позволяет значительно расширить тематику исследований, что приближает к решению задачи установления истины.

В последние годы процесс рассекречивания ускорен. Вопрос о доступе к архивным документам дважды рассматривался на заседаниях Межведомственной комиссии (МВК) по защите государственной тайны, на совместном заседании Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России и МВК по защите государственной тайны. В результате в 2009 г. в федеральных архивах было рассекречено 4,9 тысячи дел, в 2010 г. – уже почти 11 тысяч дел, в 2011 г. – 37,5 тысячи дел полностью и 470 дел – частично¹.

Среди рассекреченных документов особенно информативными представляются постановления Совнаркома и Совмина СССР за 1941–1956 гг., протоколы заседаний Президиума и Политбюро ЦК КПСС за 1957–1971 гг., документы Госплана и Госбанка, Минвнешторга СССР и др. Достигнутые темпы работы, хорошее взаимодействие между аппаратами Росархива и МВК по защите государственной тайны, а также реализация принципа пофондового рассекречивания позволяют с оптимизмом оценивать перспективы выполнения планов по рассекречиванию документов КПСС и Правительства СССР².

Объектом особого внимания не только исследователей, но и гражданского общества в целом, остаются документы ЦК КПСС. В соответствии с Планом деятельности МВК по защите государственной тайны в 2012 г. на открытое хранение переведено около 7,5 тысячи дел федеральных архивов, что почти в полтора раза больше, чем в 2009 либо в 2010 гг.

В целях оперативного информирования общественности о ходе рассекречивания документов по заказу Росархива создана база данных, в которую включена информация о почти 24,5 тысячи рассекреченных дел. В

¹ На 1 января 2013 г. состав архивного фонда Российской Федерации (498,3 млн. ед. хр.) распределяется следующим образом: 46,1 % – ведомственные архивы и депозитарии, 29,2 % – государственные архивы субъектов Российской Федерации, 12,7 % – муниципальные архивы, 8,7 % – федеральные архивы, 2,7 % – федеральные и государственные музеи и библиотеки, 0,6 % – Российская академия наук. По состоянию на 1 января 2013 г. в стране действует 2,6 тысячи государственных и муниципальных архивов.

² Отечественные архивы. 2012. № 2. С. 6.

текущем году планируется ее размещение на портале «Архивы России», в дальнейшем – регулярное пополнение сведениями о рассекречиваемых документах, а также включение в нее информации, ранее вошедшей в 12 выпусков «Бюллетеня рассекреченных документов федеральных государственных архивов»¹.

Рамки сообщения позволяют лишь обозначить основные, с нашей точки зрения, приоритеты архивной службы на ближайшую перспективу, в том числе:

- усиление внимания к документам личного происхождения, формированию личных архивных фондов;
- получение архивных коллекций из-за рубежа, прежде всего из США, Нидерландов, Чехии и других государств;
- подготовка и издание сборников архивных материалов по злободневным и спорным вопросам отечественной истории;
- переход к хранению документов в электронном виде (приказ Росархива от 29 апреля 2011 г. № 32); и др.

Представляется, что реализация этих приоритетов откроет новые горизонты дальнейших исторических исследований по проблемам функционирования высших органов власти и управления в нашей стране.

А.С. Смыкалин,
д. ю. н., профессор, академик военно-исторических наук,
заведующий кафедрой истории государства и права
Уральской государственной юридической академии

¹ Отечественные архивы. 2013. № 2. С. 8.

ДОКУМЕНТЫ ПАРТИЙНЫХ И КОМСОМОЛЬСКИХ ОРГАНОВ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ ПО ИСТОРИИ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА: ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Государственное бюджетное учреждение «Центр документации новейшей истории Оренбургской области» (ГБУ «ЦДНННО»), являвшееся в 1939–1991 гг. Партийным архивом Оренбургского областного комитета ВКП(б) – КПСС, хранит документы областных, городских, районных, сельских, первичных партийных и комсомольских организаций за период с 1917 по 1991 гг. Этот массив информации является неотъемлемой частью источниковой базы изучения советского периода российской истории, так как принятие решений, касавшихся развития страны и регионов, было прерогативой партийных и комсомольских органов, а выполнение этих решений являлось обязательным.

После смены в 1991 г. государственного устройства прошло достаточное время для осмысления советской истории, анализа потребности общества в документах бывших партийных архивов, оценки их значения.

Партийный архив Оренбургского областного комитета КПСС, как и все учреждения данного профиля, до 1991 г. принимал активное участие в подготовке и публикации печатных изданий по истории советского периода. Первый сборник документов, посвященный 40-летию Октябрьской революции, был опубликован в 1961 г. В 1970-е гг. при участии сотрудников архива были подготовлены сборники и очерки «Живые строки» (к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, Челябинск, 1970), «Революцией призванные» (о героях Гражданской войны, Челябинск, 1971), «Юность поколений» (об истории комсомольской организации Оренбургской области, Челябинск, 1973). В 1973 г. вышли Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС (переизданы в 1983 г.). В 1985–1989 гг. в Южно-Уральском книжном издательстве вышел двухтомный сборник архивных документов «Культурное строительство в Оренбуржье в 1916–1987 гг.», в котором были представлены в основном документы партийного архива¹.

ГБУ «ЦДНННО» самостоятельной публикаторской работы также пока не проводил в силу недостаточности финансирования и отсутствия в штате должного количества специалистов. При этом Центром накоплен определенный опыт выявления документов для их публикации в сборниках документов, издаваемых совместно с Государственным архивом Оренбургской области либо с научными и образовательными учреждениями.

¹ Составитель сборников – кандидат исторических наук Н.И. Сайгин, специалист по истории культуры Оренбургского края, опубликовал на основе документов партийных и комсомольских органов ряд монографий.

В 1993 г. учеными и архивистами Уральского округа был подготовлен посвященный вкладу уральцев в разгром фашистской Германии сборник-справочник «Урал ковал победу», удостоенный впоследствии Диплома конкурса научных работ в области архивоведения, документоведения и археографии за 1991–1994 гг. Член авторского коллектива – научный сотрудник Центра Г.И. Хвостова – была приглашена к участию в подготовке информации для мемориала «Оренбург – фронту!», что позволило ввести в научный оборот и обнародовать документальные данные посредством размещения их на мемориале¹.

В 2000 г. комитетом по межнациональным отношениям Администрации Оренбургской области был издан сборник документов «Из истории оренбургских немцев (1817–1974 гг.)»², в число составителей которого вошла сотрудница архива Т.С. Панина³. В сборник вошло 124 документа, большую часть которых (84) составили документы нашего архива. В сборнике нашли отражение правовое, социальное, политическое положение оренбургских немцев в различные периоды истории; особую ценность представляют документы партийных органов. Часть документов, ранее находившихся на секретном хранении, была опубликована впервые⁴. В 2006 г. вышел сборник «История немцев Оренбуржья в документах» (Оренбург, 2006. 124 С.). В сборнике опубликовано 77 документов, в том числе 29 документов Государственного архива Российской Федерации и 24 документа ЦДНННО, дополнивших освещение различных аспектов жизни немецкого населения региона в 1914–1982 гг.⁵ В 2008 г. сотрудниками архива были

¹ Торжественное открытие Мемориала у Вечного огня в г. Оренбурге состоялось в мае 1995 г.

² Из истории оренбургских немцев (1817–1974 гг.). Сборник документов. – Оренбург, Москва: Готика. 2000. – 288 С.

³ В настоящее время – директор ГБУ «ЦДНННО». Т.С. Панина входит в состав Межнационального координационного совета Оренбургской области. Т.С. Паниной подготовлены очерки истории, духовной культуры, традиций киргизов, проживающих в Оренбургской области (в книге «Этнокультурная мозаика Оренбуржья» (2003) и очерк о жизни украинцев на территории области (в книге историко-этнографических очерков «Мы – оренбуржцы» (2007).

⁴ Особый интерес представляют документы о количестве немецкого населения, работе с немецким населением губернии (области), устав и протокол учредительного собрания интернационального клуба имени Розы Люксембург в г. Оренбурге, списки общин меннонитов и молитвенных домов, немецких колхозов и немцев – председателей колхозов, списки передовиков сельского хозяйства 1946 г., занесенных на областную Доску Почета

⁵ Оба сборника вышли под редакцией доктора исторических наук, профессора В.В. Амелина, работавшего до 2011 г. начальником Управления по связям с общественными, национальными и религиозными организациями Министерства культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области. В настоящее время В.В. Амелин является директором Научно-исследовательского института истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета. Сотрудники архива постоянно участвуют в организуемых В.В. Амелиным научно-практических конференциях по проблемам этнокультурного и этноконфессионального развития Оренбуржья и тем популяризируют документы и деятельность архива.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДОКУМЕНТОВ ПАРТИЙНЫХ АРХИВОВ: ПУБЛИКАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЦДООСО

Публикации являются едва ли не самым действенным средством привлечения интереса к архивным документам и деятельности архивных учреждений со стороны общества. Неудивительно, что публикаторская и издательская деятельность традиционно является одним из приоритетных направлений работы Центра документации общественных организаций Свердловской области.

Практически сразу после преобразования Партийного архива Свердловского обкома КПСС в Центр документации общественных организаций Свердловской области было начато издание так называемых «серий» – подборок и перечней архивных документов по наиболее востребованным пользователям темам. На некоторых из них остановимся подробнее.

1. «Из документов КПСС» – серия тематических подборок и перечней архивных документов, к примеру, «Средний Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (тематический перечень, составленный по документам Свердловского областного и городского комитетов ВКП(б), а также районных комитетов партии г. Свердловска, горкомов и райкомов Свердловской области).

2. «Библиотечка исследователя» – серия перечней документов в помощь исследователям, к примеру, «Спецпереселенцы на Урале», «Работа административных органов», «Средний Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Уральский университет в документах», «Свердловское отделение Союза советских писателей», «Американские предприниматели, специалисты и рабочие на Урале», «Немецкие специалисты и рабочие на Урале. 1920–1930-е годы», «Металлургическая промышленность Среднего Урала (1950–1980-е гг.)» и др.

3. «Серия «Имя в истории» посвящена видным партийным, государственным и общественным деятелям и ученым, в том числе историкам. В этой серии вышли подборки документов о Б.Н. Ельцине, Э.Э. Росселе, ученых-историках М.Я. Сюзюмове, В.Г. Чуфарове и других персонах, внесших значительный вклад в становление и развитие Свердловской области, города Свердловска-Екатеринбурга.

Именно в этой серии в 2009 г. вышло издание, посвященное 80-летию государственного деятеля, члена Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Николая Ивановича Рыжкова, личный фонд которого имеется в ЦДООСО. В подборку вошли документы об общественной деятельности Н.И. Рыжкова, а также значительное количество фотодокументов.

4. «История в документах» – более 50 тематических подборок документов, к примеру, «Октябрь 1905 г. в Екатеринбурге», «Гражданская война на Урале», «Выборы Президента РСФСР. 1991 г.», «Уральский добровольческий танковый корпус», «Из истории журнала «Урал» и др.

Среди более крупных изданий можно назвать тематический перечень «НЭП на территории Уральской области. 1921–1929», подборку документов «Строительство Уралмаша», справочное издание «Свердловская область. 70 лет».

Упор на так называемые «малые формы», к которым можно условно отнести большинство перечисленных выше изданий, связан как с популярностью подобных серий среди исследователей, так и с дешевизной и технической простотой изготовления таких изданий, не требующих специального типографского оборудования.

Однако публикаторская деятельность Центра не ограничивается малыми формами.

В 2004 г. к 75-летию архива было подготовлено справочное издание «Архив. Страницы истории», содержащее подробную справку по истории архива, характеристики его структурных подразделений, воспоминания работников, справки о руководителях архива со времени его основания, отзывы посетителей. Книга издана тиражом 500 экз. на качественной бумаге, снабжена цветными иллюстрациями и является в настоящее время основным презентационным изданием нашего учреждения.

В 2009 г., уже к 80-летию ЦДООСО, был издан подарочный буклет, в который также были включены подробная информация о составе находящихся на хранении документов, краткие характеристики архивных фондов, сведения об организациях – источниках комплектования и работе по инициативному документированию современных событий. Буклет широко распространяется в среде заинтересованных организаций и учреждений, в ходе юбилейных мероприятий.

«Краткий справочник по фондам ГКУСО «ЦДООСО», подготовленный в 1996 г., стал первым справочно-информационным изданием к документам архива; второе издание справочника (2007) сохраняет актуальность по сей день. В ежегодно составляемые Дополнения к Краткому справочнику включается информация о новых фондах, в первую очередь личного происхождения. Эти материалы размещены на официальном сайте Центра и доступны пользователям.

Остается востребованным изданный в 2005 г. сборник документов «Прошу не отказать», в который включены заявления свердловчан в партийные и комсомольские организации о приеме в состав сформированного в 1943 г. Уральского добровольческого танкового корпуса, а также соответствующие фотодокументы.

В 2010 г. при помощи, поддержке и содействии ПО «Уралмаш» подготовлен комплект открыток «Свердловск в военные годы. Уралмаш для фронта», посвященный 65-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне. В издание включены фотодокументы из коллекции Михаила Инсарова, запечатлевшего тыловой Свердловск и бои Уральского добровольческого танкового корпуса. Пока это единственный опыт издания архивом тематической подборки открыток, однако наличие положительных отзывов позволяет надеяться на продолжение работы над подобными проектами.

Сотрудниками Центра активно используются возможности для обнародования результатов собственных исследований в научных, научно-популярных и юбилейных изданиях, материалах научно-организационных мероприятий различных уровней. В первую очередь в этой работе задействованы сотрудники отдела использования и публикации архивных документов, для которых она является плановой, однако авторские материалы представляются сотрудниками и других (непрофильных) отделов. В 2012 г. было подготовлено 10 статей и 3 подборки документов, в 2013 г. – 9 материалов в таких изданиях, как «Архивные ведомости», «Уральский рабочий», «Областная газета», «Муниципальная власть в Свердловской области». Статьи сотрудников опубликованы в материалах третьей международной конференции молодых ученых и специалистов «С1ио-2013», второй межрегиональной научно-практической конференции «Православие на Урале: веги истории». Сотрудниками Центра совместно с учеными Института истории и археологии УрО РАН издан специальный выпуск журнала «Веси», посвященный истории Свердловска-Екатеринбурга.

Таким образом, публикаторская деятельность Центра направлена на популяризацию исторических знаний и находящихся на хранении документов; способствует укреплению авторитета архивной отрасли в целом.

В перспективе нами планируется дальнейшее издание серий тематических подборок и перечней архивных документов, продолжение публикации результатов научных исследований сотрудников. Намечен также ряд крупных проектов, в том числе участие в подготовке книги к 95-летию архивной службы Свердловской области, издание в 2015 г. сборника документов и материалов к 70-летию победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

А. А. Гагарин,
к. и. н., директор Центра документации общественных организаций
Свердловской области,
И. В. Иванова,
Центр документации общественных организаций
Свердловской области

СОЗДАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ СПРАВОЧНО-ПОИСКОВЫХ СРЕДСТВ – НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ В ПАРТИЙНЫЕ АРХИВЫ

Объективно и исторически сложилось, что в числе региональных архивов роль флагамена отводится государственному архиву, а бывший партийный архив выступает, как правило, на вторых ролях. Объяснять причины такого явления, думаю, в данной аудитории нет необходимости. Но, как говорится, если не можешь изменить ситуацию – измени свое отношение к ней. С этой точки зрения я хотел бы поделиться с вами, уважаемые коллеги, своими мыслями.

Что мы (я имею в виду бывшие партийные архивы) имеем на старте. Определенный, не самый востребованный состав документов, специфический набор организаций-источников комплектования, сравнительно небольшое количество запросов и низкую наполняемость читальных залов. То есть изначально мы уступаем по ключевым позициям. На мой взгляд, следует попробовать данную ситуацию обратить в свою пользу, найти свою нишу и направить все силы для работы в этом направлении.

Не секрет, что большое количество запросов, обращений граждан и количество исследователей в читальном зале в совокупности с традиционно пристальным вниманием руководства к работе регионального флагамена архивной отрасли отнимают максимальное количество моральных и физических сил. Другое дело, когда ты находишься в тени. Создав условия для развития современной практики использования документов архива, можно отработать модель создания «архива будущего», ориентированного на быстрый поиск и предоставление пользователю информации.

Немного статистики. Пермский государственный архив новейшей истории хранит более 1 миллиона единиц хранения, исполняет в год около 1000 социально-правовых и 200 тематических запросов; в читальном зале в течение года регистрируется 170-180 исследователей и чуть более 1000 посетителей. Не берусь судить, в какой степени нарисованная картина типична для всех бывших партийных архивов, поскольку в нашем архиве находятся на хранении архивно-следственные и проверочно-фильтрационные дела, что увеличивает интерес пользователей. По опыту работы можно сказать, что 30-40 % посетителей являются родственниками пострадавших от репрессий людей, а львиная доля исполненных тематических запросов касается этой же проблематики. Иначе говоря, за вычетом показателей, касающихся общественного интереса к материалам архивно-след-

ственных и проверочно-фильтрационных дел, результаты работы архива по ряду позиций выглядят скромнее.

На основе анализа состава документов архива, работы читального зала, а также тематики обращений граждан в архиве составлен Перечень документов, подлежащих переводу в электронный вид, что означает не только оцифровку, но и создание детализированных баз данных. В этот перечень включены все наиболее востребованные, на наш взгляд, документы архива в первую очередь из фондов обкома и горкома КПСС, обкома ВЛКСМ, тематических коллекций, а также аудиовизуальные документы и документы репрессивной тематики. Именно по отношению к последним и создаются детализированные базы данных. Практически все архивно-следственные дела и все проверочно-фильтрационные дела заведены в детализированные базы данных «Картотека прекращенных архивно-следственных дел» и «Военнопленные». Базы данных содержат существенные объемы сведений из материалов каждого дела (более 50 полей) и могут служить их «электронными аналогами».

Основной массив документов архива – документы КПСС и ВЛКСМ. Эти документы интересны исследователям, как правило, в случаях проведения научных исследований советского периода истории либо поиска родственников, имевших отношение к партийно-комсомольским структурам. Для облегчения и ускорения поиска информации по документам партии начато формирование новой базы данных «Постановления партийных органов». Смысл в том, чтобы составить электронный перечень вопросов, рассмотренных на заседаниях бюро, с функцией поиска информации по отраслевому признаку, хронологическому периоду, ключевым словам и контексту заголовка. На каждый вопрос, рассмотренный на бюро, вне зависимости от его практической значимости будет заведена отдельная карточка с указанием реквизитов протокола бюро и поисковых данных документа. Карточка, в свою очередь, будет проиндексирована в отраслевом классификаторе, снабжена набором «ключевых слов» и прикрепленным сканированным образом документа.

Создание такой базы данных позволит пользователю оперативно осуществлять выборку дел по интересующей теме за определенный хронологический период и точно производить заказ архивных документов, избегая полистного просмотра дел. Таким образом, создав условия для эффективного поиска информации, архив сможет привлечь новых исследователей из числа студентов-историков, обеспечив их удобным исследовательским инструментом. Выражаясь экономическим языком, архив создает предложение, которое, в свою очередь, должно породить спрос на

документы КПСС. Как знать, возможно, такой подход архивистов даст импульс к увеличению количества исследований по советскому периоду истории, который, как мы с вами знаем, без документов бывших партийных архивов изучать невозможно.

С.А. Пономарев,
директор Пермского государственного
архива новейшей истории

**ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДОКУМЕНТОВ КПСС
В ЧИТАЛЬНОМ ЗАЛЕ АРХИВА
(из опыта работы ПермГАНИ)**

Одной из форм использования архивных документов является их предоставление пользователям в читальном зале¹. В Пермском государственном архиве новейшей истории ученые, студенты, краеведы, журналисты имеют возможность для проведения самостоятельного поиска ретроспективной информации, изучения архивных документов. Посетители могут познакомиться с делами родственников – членов коммунистической партии либо репрессированных². Количество пользователей, зарегистрированных в читальном зале ПермГАНИ, и посещений ими читального зала увеличиваются с каждым годом (см. табл. 1).

Таблица 1

	2010 г.	2011 г. ³	2012 г.	9 мес. 2013 г.
Всего пользователей	161	147	187	178
Всего посещений	770	911	1009	848

В целях совершенствования работы в ПермГАНИ проводится – с использованием созданной в архиве базы данных «Учет тематики исследований» (в формате Microsoft Office Access) – анализ потребностей пользователей в ретроспективной информации. Избранный формат БД позволяет делать выборки по различным параметрам⁴. Всего с 2010 г. по конец августа

¹ Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук (М. 2007).

² Помимо документов КПСС и ВЛКСМ, личных фондов, что традиционно для «партийных» архивов, в ПермГАНИ на хранении находятся документы профсоюзов и других общественных организаций, архивно-следственные дела репрессированных по политическим мотивам, проверочно-фильтрационные дела и дела с трофейными немецкими карточками на бывших советских военнопленных).

³ В 2011 г. в связи с проведением ремонтных работ читальный зал ПермГАНИ работал до 11 ноября; вновь он был открыт в январе 2012 г.

⁴ Наиболее полные данные о пользователях архивной информации, тематике их исследований или целях посещения архива (например, составление генеалогического древа) внесены в БД с 2010 г., поэтому проанализированы данные с 2010 г. по конец августа 2013 г. В БД учтены именно темы исследований и цели посещения архива, а не пользователи. При изменении темы исследования посетитель должен представить в архив новое официальное письмо направившего его учреждения (организации) с указанием новой темы; новая тема также вносится в БД. Таким образом, на одного человека может быть создано две или даже три записи. Для облегчения восприятия результатов анализа в дальнейшем темы исследования и цели посещения архива будут объединены термином «тема».

2013 г. пользователями читального зала ПермГАНИ была заявлена 531 тема. По 289 темам просматривались архивно-следственные дела, по 208 – документы КПСС (по некоторым – те и другие). Таким образом, документы, образовавшиеся в процессе деятельности партийных организаций различных уровней, по востребованности стоят на втором месте среди всех документов, находящихся на хранении.

Посетители читального зала, просматривавшие документы КПСС, условно подразделяются на три группы: 1) осуществляющие поиск информации о родственниках либо составляющие генеалогические древа (27 тем, 27 человек); 2) нуждающиеся в информации в связи с потребностями текущей жизни (получение сведений из ответов на социально-правовые запросы, поиск документов о выделении в собственность земельных участков и т.п.) (5 тем, 5 человек); 3) исследователи (176 тем, 155 человек).

Пользователями, отнесенными к первой группе, востребованы в первую очередь личные и персональные дела коммунистов. Доступ к личным делам открыт. Для ознакомления с персональными делами членов партии граждане должны представить сотрудникам читального зала документы (или их копии), подтверждающие их родство.

Пользователи второй группы просматривают, как правило, дела из фондов обкома, горкомов и райкомов КПСС.

Наиболее интересным представляется анализ тем исследований и состава пользователей третьей группы. В нее входят ученые, аспиранты, студенты, учителя школ, краеведы, журналисты, сотрудники музеев предприятий и т. п. Некоторые из них посещают архив в течение определенного периода, собирая материалы для подготовки диссертаций, дипломных работ, выставок и т. п. Состоявшиеся ученые и краеведы-энтузиасты пользуются фондами регулярно в целях плановой исследовательской работы.

Большинство тем, заявленных исследователями третьей группы (141), имеют краеведческую направленность, что объясняется составом документов ПермГАНИ.

В целях получения представления о потребностях пользователей в ретроспективной информации проанализированы тематики исследований. По БД «Учет тематики исследований» сделаны выборки по полю «Ключевые слова», в которое внесено более 150 ключевых слов. При проведении анализа они были распределены на 39 обобщающих тем (см. табл. 2).

Таблица 2¹

№ п/п	Обобщающие темы	Количество тем, заявленных пользователями	% от общего количества
1	2	3	4
1.	История повседневности	23	13,1
2.	История районов и населенных пунктов Пермского края	20	11,4
3.	История образования, высших учебных заведений	18	10,2
4.	Экономическое развитие (промышленность, сельское хозяйство, энергетика и т.д., история отдельных предприятий)	16	9
5.	Великая Отечественная война	15	8,5
6.	Репрессии, раскулачивание, спецпоселенцы, трудармия	15	8,5
7.	Литература, искусство, культура	12	6,8
8.	Революция и Гражданская война	12	6,8
9.	История партийных организаций	10	5,7
10.	Социальная структура общества, история социальных групп	10	5,7
11.	Пенитенциарная система	9	5,1
12.	Русская православная церковь, государственно-церковные отношения	7	4

¹ Каждая из тем, заявленных пользователями, могла быть отнесена к нескольким обобщающим темам, поэтому сумма в столбце «Количество тем, заявленных пользователями» получается больше 176, а сумма в столбце «% от общего количества» – больше 100 %.

1	2	3	4
13.	Вооруженные силы	6	3,4
14.	Биографии	5	2,8
15.	Правоохранительные органы, охрана правопорядка	5	2,8
16.	История советов депутатов трудящихся	5	2,8
17.	Молодежь, студенты	4	2,3
18.	Номенклатура и номенклатурные практики	4	2,3
19.	Общественные настроения, общественное сознание	4	2,3
20.	Политическая система	4	2,3
21.	Правосудие, прокуратура, юстиция	4	2,3
22.	Органы госбезопасности	3	1,7
23.	История неправославных конфессий	3	1,7
24.	История цензуры	3	1,7
25.	Агитация и пропаганда	2	1,1
26.	Участие советских войск в вооруженном конфликте в Афганистане (1979–1989 гг.)	2	1,1
27.	Источниковедение, возможности использования документов КПСС как источников	2	1,1
28.	История комсомольских организаций	2	1,1
29.	Пребывание в Прикамье Михаила Романова	2	1,1
30.	История различных народов	2	1,1

1	2	3	4
31.	Профсоюзы и другие общественные организации	2	1,1
32.	СМИ	2	1,1
33.	История проверочно-фильтрационных лагерей, процесса госпроверки военнопленных	1	0,6
34.	Демография	1	0,6
35.	Медицина и здравоохранение	1	0,6
36.	НЭП	1	0,6
37.	Социология как наука	1	0,6
38.	Сфрагистика	1	0,6
39.	История Удмуртии	1	0,6

История партийных организаций нашла отражение в наименованиях только 10 тем (например, «История партийной организации Коми-Пермяцкого округа», «Партийные организации и социальные процессы на Урале в 20–30-е гг. XX в.»; и др.); остальные 166 тем (94,3 %) с историей КПСС непосредственно не связаны, что свидетельствует о широких возможностях использования документов КПСС как источников изучения всех аспектов истории советского общества.

Относительное большинство тем исследований, заявленных пользователями (23 темы, 13,1 %), отражают различные аспекты истории повседневности (например, «Советское детство в 1941–1953 гг. (на примере Молотовской области)», «Международный женский день 8 марта в 1920–1930-е гг.», «Особенности повседневной барачной культуры в 1950–1980-е гг. в г. Перми»; и др.). Популярность подобных тем объясняется актуальностью данного направления научных исследований в современном обществе. Пользователями, осуществляющими поиск информации по этим темам, являются в первую очередь студенты, аспиранты и преподаватели вузов¹.

¹ В 2001 г. тем исследования, отражающих историю повседневности, заявлено практически не было (см. текст выступления Л.С. Бортник на аппаратном совещании руководителей структурных подразделений при директоре архива «О работе читального зала и мерах по ее совершенствованию» (2001 г.) // сайт ПермГИАНИ (www.permgani.ru).

На втором месте стоят темы исследований, посвященные истории районов и населенных пунктов Пермского края (20 тем, 11,4 %) (например, «Усольский район Пермского края в 1919–1956 гг.», «Коми-Пермяцкий округ в 1950–1960-х гг.», «История совхоза «Юговский» (1965–2000 гг.)»; и др. Эти вопросы интересны студентам, аспирантам, ученым, сотрудникам музеев, краеведам и т. п.

Третье место занимают темы исследований, посвященных истории образования, высших учебных заведений (18 тем, 10,2 %) (например, «Формирование системы художественного образования в 1920–1930-е гг. на примере Прикамья», «История Пермского института культуры. 1975–1991 гг.», «Преподавание иностранных языков в Советском Союзе в 1946–1991 гг.»; и др.). Документы, содержащие информацию по данным темам, востребованы студентами, аспирантами, преподавателями вузов и т. п.

Популярными являются также темы исследований, посвященных экономическому развитию (например, «История и современное состояние оборонно-промышленного комплекса Пермского края (1917–2013 гг.)», «История КамГЭС (1924–1956 гг.)»; и др.), истории политических репрессий (например, «Репрессии против интеллигенции в 1930-х гг. в Перми», «Политические репрессии в Коми-Пермяцком округе»; и др.), истории Прикамья в годы Великой Отечественной войны (например, «Эвакуация учреждений культуры Ленинграда в Пермскую область в годы Великой Отечественной войны», «Социальная структура населения Прикамья в годы Великой Отечественной войны»; и др.).

Представляют интерес данные анализа хронологических рамок исследований. Это дает возможность установить, документы какого периода наиболее востребованы исследователями, отнесенными к третьей группе (см. табл. 3).

Таблица 3¹

№ п/п	Периоды	Количество тем, заявленных пользователями	% от общего количества
1	2	3	4
1.	Перестройка (1985–1991 гг.)	35	19,9
2.	1970-е – нач. 1980-х гг.	43	24,4

¹ По одной теме могли просматриваться документы разных периодов, поэтому сумма в столбце «Количество тем, заявленных пользователями» больше 176, а в столбце «% от общего количества» – больше 100 %.

1	2	3	4
3.	Революция и Гражданская война (до 1922 г.)	44	25
4.	Кон. 1940-х – нач. 1950-х гг.	47	26,7
5.	1920-е гг.	48	27,3
6.	1960-е гг.	49	27,8
7.	1950-е гг.	55	31,3
8.	1930-е гг.	59	33,5
9.	Великая Отечественная война	60	34,1

Больше всего заявлено тем исследований, поиск информации по которым проводился по документам периода Великой Отечественной войны, также востребованы документы 1930-х и 1950-х гг.; меньше всего – по истории 1970–1980-х гг. По-видимому, эти документы еще ждут своих исследователей. Интересно сопоставить эти данные с данными 2001 г., когда еще не пришло время для изучения истории 1950–1960-х гг., а в большей степени использовались документы 1-й половины XX в.

Интересно также проанализировать, какие фонды наиболее востребованы исследователями. Вполне естественно, что по большему количеству тем просматривались наиболее информативные и дающие объемное представление о развитии различных сфер жизни общества документы Пермского обкома КПСС (фонд № 105) (74 темы, 42 %). Второе место по востребованности занимают документы Пермского горкома КПСС (фонд № 1) (50 тем, 28,4 %). Поиск информации по документам этого фонда особенно необходим при изучении истории 1923–1938 гг., когда не существовало Пермской области и соответствующего партийного органа. Востребованы также документы Пермского губкома РКП(б) (фонд № 557) (31 тема, 17,6 %), интересующие исследователей истории Прикамья в 1918–1923 гг. Активно используются документы райкомов и горкомов партии.

Широко востребованы не только протоколы заседаний коллегиальных и совещательных органов партийных организаций, но и сопутствующие аналитические документы (справки, отчеты, докладные записки и т. п.), содержащие наиболее подробную и многоаспектную информацию.

Среди изданий последних лет следует назвать подготовленные пермскими учеными коллективные монографии «1956: незамеченный термидор.

Очерки провинциального быта» (2007), «Поляки в Пермском крае: очерки истории и этнографии» (2009), сборник материалов «Топография террора: история политических репрессий. Пермь» (2012), книгу М.А. Калинина «Добрянский район и его руководители. Биографические справки, историческая хроника, документы, воспоминания» (2009); и др. К сожалению, результаты поиска, проводимого по документам КПСС, известны далеко не всегда, поскольку не все исследователи представляют в архив экземпляры своих публикаций.

Проблема результативности поиска информации по документам КПСС является актуальной. Заголовки дел в описях, составленных до середины 1990-х гг., малоинформативны и не всегда отражают состав документов, входящих в дела. Перечни вопросов, рассмотренных на заседаниях коллегиальных и совещательных органов обкома, горкомов и райкомов КПСС, помогают исследователям осуществлять поиск только по протоколам заседаний; выявление же аналитических документов затруднено. Представляется, что решению проблемы результативности поиска должно способствовать совершенствование научно-справочного аппарата.

И.Ю. Федотова,
начальник отдела научно-справочного аппарата,
автоматизированных архивных технологий
и информационно-поисковых систем
Пермского государственного архива новейшей истории;
А.Г. Васильева
Пермский государственный архив новейшей истории

О СОСТОЯНИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАБОТЫ ЦДООСО ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И ПОСТАНОВКЕ НА УЧЕТ ОСОБО ЦЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ

В советское время систематической работы по выявлению в фондах Партийного архива Свердловского обкома КПСС особо ценных документов не проводилось, поскольку априори предполагалось, что любой документ, касающийся деятельности правящей партии, является ценным и, соответственно, даже не существовало методики отнесения документов из фондов партийных архивов к категории особо ценных.

С образованием ЦДООСО и его вхождением в систему государственных архивов работе по выявлению особо ценных документов либо отнесению уже выявленных документов к названной категории был придан систематический характер. В 1997 г. начальником отдела обеспечения сохранности архивных документов А.Ю. Золотиной была разработана памятка «Критерии отнесения документов ЦДООСО к особо ценным. Методика выявления, описание, учет, хранение». В соответствии с этой методикой решением экспертно-методической комиссии Центра от 23 апреля 1997 г. (протокол № 3) к числу фондов (описей), содержащих особо ценные документы, были отнесены полностью фонды №№ 41 «Свердловский (Уральский) истпарт», 128 «Нижнетагильский истпарт», 1494 «Уралбюро ЦК РКП(б)», 1495 «Уралбюро ЦК РКСМ»; опись № 1 фонда 225 «Екатеринбургский уком РКП(б)».

Работа была продолжена на плановой основе в последующие годы. В 1999 г. к особо ценным были отнесены документы описи № 1 фонда № 76 «Екатеринбургский губком РКП(б)», в 2005–2008 гг. – документы 79 описей фонда № 4 «Свердловский обком КПСС», описей 1-2 свердловских областных промышленного (фонд 376) и сельского (фонд 790) комитетов КПСС, ряда райкомов КПСС г. Свердловска и Свердловской области. Последними – в октябре-декабре 2011 г. – были поставлены на учет особо ценных документов материалы описи № 1 личного фонда № 5967 (Петровой Веры Анатольевны, уральского журналиста и публициста) и фонда № А-2 (Коллекции аудиодокументов, полученных Центром путем инициативного документирования).

Параллельно совершенствовалась методика отбора особо ценных документов. В 2010 г. методической комиссией Управления архивами Свердловской области были одобрены подготовленные начальником отдела обеспечения сохранности архивных документов В.А. Сваловой (на основе «Методических рекомендаций по работе с особо ценными документами в

государственных архивах Российской Федерации» (М., 2006) и упомянутой выше разработки А.Ю. Золотиной «Методические рекомендации по выявлению, учету и организации хранения особо ценных документов на бумажной основе в ЦДООСО».

В результате проводимой работы в ЦДООСО по состоянию на 15 октября 2013 г. выявлено и поставлено на учет особо ценных документов 15082 ед. хр., сосредоточенные в 23 архивных фондах. В настоящее время осуществляется подготовка к рассмотрению на экспертно-проверочной комиссии Центра ряда вновь выявленных особо ценных документов¹.

Задачей настоящей публикации не является детальное ознакомление исследователей с находящимися на хранении в ЦДООСО особо ценными документами. В архиве имеются соответствующий перечень фондов, реестр описей и собственно описи особо ценных дел, с которыми можно познакомиться в читальном зале. Поэтому полагаем возможным ограничиться лишь краткими аннотациями к фондам, содержащим особо ценные документы.

Фонд 41 «Свердловский (Уральский) истпарт» (1722–1979 гг., 738 ед. хр.) являет собой уникальную коллекцию особо ценных документов по истории прежде всего революционного движения и Гражданской войны на Урале.

Документы фонда-коллекции представлены в трех описях.

Документы описи № 1 распределены по двум группам, в первой из которых содержатся материалы, относящиеся к нелегальному периоду социал-демократического движения на Урале. В их числе особую ценность представляют жандармские и полицейские документы; программы, листовки, газеты и другие издания революционных партий; материалы по истории первой российской революции.

Во второй группе описи отражены документы периода Октябрьской революции и Гражданской войны, в том числе протоколы и резолюции региональных конференций основных политических партий, советских, профсоюзных и крестьянских съездов; воззвания, обращения и переписка властных и партийных структур периода вооруженного гражданского сопротивления. В эту группу включены уникальные материалы, касающиеся пребывания (и гибели) на Урале последнего российского императора и царской семьи, других видных политических и общественных деятелей начала века.

¹ Комплексный характер критериев выявления и оценки особо ценных документов требует систематических кропотливых и вдумчивых усилий наиболее квалифицированных специалистов – архивистов и историков, располагающих соответствующим научным кругозором, и не должен сводиться к разовым кампаниям.

В описи № 2 содержатся объемные коллекции воспоминаний участников революционного движения и Гражданской войны на Урале, а также копий документов этого периода, полученных из ряда родственных архивных учреждений.

В опись № 3 (36 дел) включены документы о деятельности Свердловского (Уральского) истпарта в 1920–1939 гг.

Тот факт, что в фонде широко представлены документы обеих сторон ожесточенного гражданского противостояния начала XX в., обуславливает их непреходящую ценность в работе по объективному и непредвзятому анализу причин и содержания состоявшейся национальной трагедии.

Фонд 1494 «Уралбюро ЦК РКП(б)» (май 1920 – декабрь 1923 гг., 519 ед. хр.) содержит документы о деятельности Уральского бюро ЦК, созданного по решению IX съезда РКП(б) и просуществовавшего вплоть до создания Уральской области и избрания Уральского областного комитета РКП(б) в конце 1923 г. Материалы фонда систематизированы по годам, а внутри каждого периода – по сферам ответственности отделов (подотделов, секций, бюро и иных организационных структур) Уралбюро: информационно-статистического, организационного, учетно-распределительного, агитационно-пропагандистского, татаро-башкирского, женского и пр.). Отдельной описью представлены личные дела коммунистов за 1921–1923 гг. Собрание фонда являет собой объемный комплекс материалов о деятельности уральской большевистской организации в условиях послевоенного восстановления народного хозяйства и НЭПа; политических, социально-экономических и культурных процессах в регионе в первые годы Советской власти.

В опись № 1 фонда 225 «Екатеринбургский уком РКП(б)» (1919–1923 гг., 157 ед. хр.) включены документы, отложившиеся в результате деятельности Екатеринбургского уездного комитета РКП(б), созданного после окончания Гражданской войны и просуществовавшего до создания Уральской области. Фонд содержит материалы уездных, уездно-городских, волостных и районных партконференций, протоколы заседаний; руководящие, отчетные и иные документы партийных комитетов (разных уровней) Екатеринбургского уезда. Особый интерес представляют секретные циркуляры губкома и укома РКП(б) по внутрипартийным вопросам, закрытые письма и отчеты укома в губком и ЦК РКП(б).

Опись № 1 фонда 76 «Екатеринбургский губком РКП(б)» (август 1919 – ноябрь 1923 гг., 833 ед. хр.) включает документы, отражающие работу губернских и уездных (в пределах Екатеринбургской губернии) партийных конференций, протоколы и выписки из протоколов заседаний, руководящие и отчетные документы губкома и уездных партийных комитетов. До-

кументы в описи организованы по годам, а внутри каждого периода – по зонам ответственности отделов губкома – организационного, инструкторского, учетного, агитационно-пропагандистского, женского, нацменьшинств и др. В фонде содержится комплекс документов о чистке в коммунистических организациях в 1921 г.

В фонде отложились также документы об иностранных (немецкой, польской, венгерской, латышской) коммунистических секциях губкома.

Фонд № 4 «Свердловский обком КПСС» (79 описей, 1917–1991 гг., всего 124115 ед. хр.) представляет собой практически неисчерпаемый комплекс документов по истории партийных организаций области за весь период пребывания коммунистов у власти, отражает все многообразие социально-экономических, политических, культурных и иных процессов на Среднем Урале за 75-летний период. Так же, как и фонд № 41, является непременной составляющей источниковой основы любого серьезного научного исследования по истории Урала в XX в.

Описи 1-2 фонда № 376 «Свердловский промышленный обком КПСС» (1963–1964 гг., 140 ед. хр.) включают комплекс документов о работе промышленного обкома, в том числе распоряжения партийных и государственных инстанций, протоколы и стенограммы областных конференций, пленумов и бюро обкома, планово-отчетную и организационно-распорядительную документацию и т. п.

Материалы фонда ныне практически полностью доступны исследователям. Только в 2001 г. были рассекречены 92 дела из 140, внесенных в описи №№ 1-2.

Описи 1-2 фонда № 790 «Свердловский сельский обком КПСС» (1963–1964 гг., 102 ед. хр.) представляют собой совокупность аналогичных вышепоименованным документов о работе сельского обкома КПСС.

Применительно к фондам №№ 4, 376 и 790 полагаем целесообразным высказать лишь одно общее замечание. Материалы этих фондов настолько многочисленны, разнообразны и репрезентативны, что заслуживают, безусловно, специального анализа и описания в рамках самостоятельной публикации.

Личный фонд 5967 «Петрова Вера Анатольевна, уральский журналист и публицист» (1916–1994 гг., 43 ед. хр.) включает особо ценные документы – письмо писателя К.М. Симонова В.А. Петровой об ее творческой деятельности и личные дневники фондообразователя, в том числе относящиеся к периоду Великой Отечественной войны. Следует заметить, что фонд В.А. Петровой является единственным пока из хранящихся в Центре фондов личного происхождения, включающим особо ценные документы.

**АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ТЕМЕ ГОЛОДА НАЧАЛА 1930-х гг.
НА УРАЛЕ: ОЦЕНКА ИНФОРМАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА
ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ
(по материалам Центра документации общественных организаций
Свердловской области)**

Как видно из настоящего обзора, в фондах Центра сосредоточено значительное количество особо ценных документов, касающихся различных аспектов российской истории в XX в. Мы предполагаем продолжить совершенствование методики выявления ОЦД в имеющихся информационных массивах документов на бумажной основе, в том числе в процессе их рассекречивания; намерены также в первоочередном порядке отработать методики выявления ОЦД в фондах фото и видеодокументов, накапливаемых в рамках инициативного документирования. Конечной целью Центра при проведении этой работы является возможно более полное удовлетворение научных интересов исследователей и потребностей общественности в ознакомлении с важнейшими документами по истории нашего края.

При подготовке настоящей публикации использованы «Краткий справочник по фондам Центра документации общественных организаций Свердловской области» (Екатеринбург, 2007), список фондов, реестр описей и описи особо ценных дел, а также дела перечисленных в статье фондов ЦДООСО; «Методические рекомендации по работе с особо ценными документами в государственных архивах Российской Федерации» (М., 2006) и «Методические рекомендации по выявлению, учету и организации хранения особо ценных документов на бумажной основе в ЦДООСО» (Екатеринбург, 2010); получены исчерпывающие консультации заместителя директора – главного хранителя фондов ЦДООСО кандидата исторических наук Е.И. Ярковой; учтены рекомендации главного специалиста Управления архивами Свердловской области М.А. Фокиной.

В.В. Каплюков,
к. и. н., доцент, заместитель директора
Цentra документации общественных
организаций Свердловской области
по научно-методической работе

В 1932–1933 гг. Украину, Северный Кавказ, Поволжье, Казахстан, Центральное Черноземье, Западную Сибирь поразил голод. Это социальное бедствие проявилось и на Урале. Региональная специфика голода была обусловлена его проявлениями в абсолютной или латентной форме, временными и территориальными границами, отличиями в последствиях для населения. Локальные эпизоды голода выходили за рамки 1932–1933 гг. Так, на Урале продовольственные затруднения, голодание и проявления голода отмечались уже в конце 1920-х гг., а последствия голода ощущались в 1934 г.¹. Дискуссии о факторах, причинах, масштабах и демографических последствиях голода продолжаются до нынешних дней, что актуализирует дальнейшую разработку этой научной проблемы.

Голод, приобретающий различные формы, представляет сложный и многогранный объект исследования. Это предъявляет особые требования к исторической реконструкции картины голода и к такому крайне важному условию ее успешной реализации, как источниковая база исследования. Для установления факторов и причин голода следует выяснить уровень аграрного развития региона и продовольственного обеспечения населения, эффективность механизма функционирования последнего. Необходимо определить роль субъективных факторов и причин, в том числе методов и темпов коллективизации и заготовительных кампаний, объемов заготовок, раскулачивания. При этом следует учитывать объективные факторы – трудности, возникшие при смене хозяйственного уклада деревни, а также неблагоприятные для сельского хозяйства природно-климатические условия, обусловившие низкие урожаи в 1931 и 1932 гг. Об истинных масштабах голода позволяют судить, прежде всего, негативные явления в демографическом развитии. Изучение реальной обстановки с продовольствием в районах способствует выявлению форм, географии и хронологии голода. В связи с этим источниковая база должна охватить сельскохо-

¹ См.: Баранов Е.Ю. Симптомы и масштабы голода начала 1930-х годов в Уральской области // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX веках: Сб. статей. Оренбург, 2006. С. 163-167; Он же. Голод начала 1930-х гг. на Урале: факторы, индикаторы, последствия // История сталинизма: крестьянство и власть. Материалы международной научной конференции. М., 2011. С. 206-213.

зайственное производство, распределение и потребление продовольствия, демографическую ситуацию, аграрную и продовольственную политику советского государства. В данной статье предпринята попытка оценки информативных ресурсов документальных комплексов, находящихся на постоянном государственном хранении в Центре документации общественных организаций Свердловской области, для изучения темы голода начала 1930-х гг. на Урале.

Прежде чем перейти к рассмотрению документальных ресурсов ЦДООСО, отметим, что в отечественном источниковедении традиционно принято выделять опубликованные и неопубликованные источники, и уделить внимание опубликованным документальным комплексам, тем более что значительное место в них занимают документы органов партийно-государственной системы власти. К категории опубликованных источников относятся многие виды документов, изданные Коммунистической партией Советского Союза и советским правительством и опубликованные в сборниках законов и нормативно-правовых актов, которые регламентировали процесс сельскохозяйственного производства, имущественные отношения¹.

С конца 1980-х гг. историки и архивисты развернули активную деятельность по публикации документов, вовлекая в научный оборот прежде недоступные, ранее секретные, архивные материалы, в том числе и документы партийных архивов. В федеральном центре и регионах издаются сборники документов по истории советской деревни накануне и в годы сплошной коллективизации². В сборники вошли документы партийных, судебных органов, советских учреждений, прокуратуры, ОГПУ, содержащие сведения по ходу коллективизации и раскулачивания, методам их проведения; фиксирующие общественное мнение, отношение крестьянства к происходившим процессам и сопротивление форсированным темпам смены форм организации производства, административному нажиму, насилию со стороны власти. Многие издания включают свидетельства голода в различных регионах страны.

¹ См.: Важнейшие решения по сельскому хозяйству. М., 1935; Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док-тов. В 2-х тт. / Сост. В.Н. Калинин, А.В. Коробов. М., 1957; Коллективизация сельского хозяйства: Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927–1935. М., 1957; и др.

² См.: Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927–1932 гг.: Сб. док-тов / Под ред. В.П. Данилова и Н.А. Ивницкого. М., 1989; Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930–1936 гг.) / Сост. Т.И. Славко, А.Э. Бедель. Екатеринбург, 1993; Сплошная коллективизация и раскулачивание в Зауралье (Материалы по истории Курганской области) / Сост. И.Е. Плотников. Курган, 1995; Рязанская деревня в 1929–1930 гг. Хроника головокружения / Отв. ред.-сост. Л. Виола, Т. Макдоналд, С.В. Журавлев, А.Н. Мельник. М., 1998; и др.

Особый интерес представляют две серии документальных материалов «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание» и «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД»¹, включившие главным образом документы федеральных архивов и Центрального архива ФСБ России о насильственном проведении коллективизации в деревне, хлебозаготовках, в ходе которых из деревни изымалось нередко продовольственное и семенное зерно, а также о продовольственных затруднениях и голоде в стране.

Уральские ученые, разрабатывая инновационное для исторической науки исследовательское направление – изучение продовольственной безопасности, – подготовили сборник документальных материалов «Продовольственная безопасность Урала в XX веке»². Во втором томе данного издания содержатся письма крестьян, колхозников о перегибах при организации колхозов, докладные записки секретарей райкомов партии в Уральский и Башкирский обкомы ВКП(б) о ходе колхозного строительства, хлебозаготовок в регионе и возникших в связи с этим проблемах с продовольствием, информационные доклады, справки и письма областных партийных комитетов, ОГПУ о ходе заготовительных кампаний, состоянии торговли и снабжения населения, решения партийных и государственных организаций по продовольственным вопросам, проведению посевных, уборочных и заготовительных кампаний и другие материалы, характеризующие состояние сельского хозяйства и продовольственного обеспечения Уральского региона. Во многих документах имеются сведения о голоде в начале 1930-х гг., анализ которых позволяет осмыслить его масштабы и последствия для уральского населения³.

Опубликованные в сборнике документов и материалов «Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг.»⁴ информационные и аналитические документы раскрывают процессы, происходившие в земледелии, животноводстве, материально-техническом обеспечении уральского села, методы проведения и объемы заготовок сельскохозяйственной продукции, продовольственное обеспечение горожан и продовольственное положение селян, голод на Урале, демографи-

¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 1999. Т. 1; М., 2000. Т. 2; М., 2001. Т. 3; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000. Т. 2.

² Продовольственная безопасность Урала в XX веке. 1900–1984 гг. Документы и материалы: в 2 т. / Под ред. Г.Е. Корнилова, В.В. Маслакова. Екатеринбург, 2000.

³ Продовольственная безопасность Урала в XX веке... Т. 2. С. 16–141.

⁴ Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг.: Сб. док-тов и мат-лов / Сост. Е.Ю. Баранов, Г.Е. Корнилов. Оренбург, 2005. Т. 1.

ческую ситуацию. Следует отметить, что в оба названных документальных издания, подготовленных уральскими историками, вошли и документы из ЦДООСО, без изучения фондов которого невозможно раскрыть не только заявленные в заголовках сборников темы, но и решить любую задачу научно-исторического исследования по Уральскому региону в XX в.

Основой исторического исследования «засекреченного» в советский период голода являются неопубликованные источники. В ЦДООСО сохранился обширный комплекс исторических документов, позволяющих рассмотреть различные аспекты темы голода. При этом особое внимание необходимо уделить документам фонда Свердловского обкома КПСС (Ф. 4). Следует отметить, что с ноября 1923 г. по январь 1934 г. существовала Уральская область – административно-территориальное образование в составе РСФСР, которое включало территории современных Курганской, Свердловской, Тюменской, Челябинской областей, Пермского края, а также частично территории Башкортостана и Удмуртии. Региональным партийным органом, руководившим жизнью столь обширной территории, был Уральский обком ВКП(б), документы, образованные в ходе деятельности которого, отложились в фонде № 4 ЦДООСО. Многие документы, имеющие грифы «Секретно», «Совершенно секретно», «Строго секретно», «Не подлежит оглашению», стали доступны исследователям только в 1990-е гг.

Аграрная и продовольственная политика советского государства должна анализироваться не только на основе опубликованных документов органов партийно-государственной системы власти, но и на основе документов, отложившихся в архивных фондах. Партийно-государственный аппарат с помощью законодательных и иных нормативно-правовых актов стремился всецело контролировать производственно-хозяйственное развитие страны, в том числе ход сельскохозяйственных и заготовительных кампаний, продовольственное обеспечение населения. Изучение документов партийно-государственного аппарата приобретает особое значение в контексте рассуждений о субъективно-политических факторах голода (виновности властных структур) и концепции «организованного голода», существующей в современной историографии.

В ЦДООСО отложился значительный комплекс делопроизводственной документации партийных органов, содержащей сведения о проведении посевных, уборочных, хлебозаготовительных кампаний, неудовлетворительном снабжении населения, оказании продовольственной и семенной помощи хозяйствам, а также голодающим. Это организационно-распорядительные, плановые, отчетные материалы и текущая переписка.

Организационно-распорядительные документы регламентировали проведение сельскохозяйственных кампаний, вопросы, связанные со снабжением населения, принятием мер по борьбе с заболеваниями, обусловленными недоеданием и голодом. Основным организационно-распорядительным документом являлось постановление. Уральский обком ВКП(б) и облисполком принимали совместные постановления по планам заготовок хлеба, овощей, мясомолочной продукции и возврата продовольственной и семенной ссуды. Бюро обкома партии утверждало месячные планы посевных, уборочных, заготовительных кампаний и агрикультурных мероприятий. Решения обкома ВКП(б) об оказании продовольственной помощи и предоставлении семенной ссуды хозяйствам области, о продовольственном снабжении и другие также оформлялись в виде постановлений бюро или пленумов обкома.

Отдельную группу организационно-распорядительной документации составляют протоколы и стенограммы заседаний бюро Уральского обкома ВКП(б), совещаний работников партийно-государственного аппарата. В этих документах находится информация о ходе сева, уборки урожая, выполнении плана хлебозаготовок и снабжении населения. Стенограммы заседаний партийных и государственных органов предоставляют возможность рассмотреть механизм «определения виновных» в невыполнении планов, позволяя выявить отношение местного партийного и советского руководства к задачам, поставленным центральной властью. Так, 24 октября 1931 г. на объединенном заседании бюро Уральского обкома ВКП(б) и президиума облисполкома обсуждался вопрос о приостановлении хлебозаготовительной деятельности зерновых совхозов области. Это обстоятельство позволило третьему секретарю обкома ВКП(б) Л.И. Мирзояну обвинить руководство зерносовхозов в «преступлении против партии»¹.

Главы местных властных структур – первые секретари обкомов партии, председатели облисполкомов – информировали центральное руководство о производственно-хозяйственном развитии региона. Докладные записки, письма, телефонограммы, телеграммы, адресованные в ЦК ВКП(б), секретарям ЦК ВКП(б) И.В. Сталину, Л.М. Кагановичу, председателю СНК СССР В.М. Молотову, содержат отчетные, контрольные данные, в том числе статистические, о ходе сельскохозяйственных и заготовительных кампаний, недостатке тягловой силы, падеже скота вследствие плохого питания, недостаточном продовольственном снабжении населения, голоде, хищениях хлеба. Аналогичная информация предоставлялась в комитеты заготовок и резервов Совета труда и обороны СССР, наркоматы снабжения и земледелия СССР. В начале 1930-х гг. отправленные в Москву документы

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 53. Л. 67.

заканчивались просьбами об оказании продовольственной и семенной помощи, предоставлении заготовительных льгот отдельным районам и др.

В архивных фондах хранятся докладные записки секретарей райкомов партии, руководителей предприятий и организаций, справки ОГПУ и прокуратуры, в которых содержатся сведения о трудностях в проведении сельскохозяйственных работ, продовольственных проблемах в городе и деревне, обусловленных ими миграциях населения, а также о голоде и его жертвах. Голод способствовал росту числа заболеваний, таких как туберкулез, брюшной и сыпной тиф, оспа, цинга и др. Сведения о распространении заболеваний приводились в документах партийных органов при характеристике негативных тенденций в сфере здравоохранения.

Архивные документы ЦДООСО позволяют охарактеризовать масштабы голода в Уральской области, содержат яркие примеры этого страшного социального бедствия. Документы свидетельствуют, что в 1932 г. продовольственные резервы на местах истощились, а в 1933 г. голод достиг своего пика. В целом ряде районов крестьяне вынуждены были питаться домашними животными, грызунами, трупами павшего скота, на почве недоедания и голода получили распространение заболевания органов пищеварения, голодные отеки, известны факты самоубийств и антропофагии. Представители партийно-государственных и силовых структур фиксировали заболеваемость и смертность вследствие голода. В колхозе им. Сталина Бродокалмакского района, где с 1 по 8 мая 1933 г. умерло 12 чел., колхозники, получая в среднем 300 граммов хлеба в сутки, вынуждены были вместе с членами своих семей питаться в лучшем случае ржаными суррогатами. Дело дошло до употребления в пищу мяса павших лошадей¹. В докладной записке секретаря Белозерского райкома ВКП(б) и председателя Белозерского райисполкома в Уральский обком ВКП(б) и Уралсовет о продовольственном положении в районе от 2 мая 1933 г. указывалось: «В Першинском с[ель]совете зарегистрировано два случая смерти на почве голода, в Боровском с[ель]совете колхозники наряду с павшими животными едят крыс. Проезжая по бригадам, мы были свидетелями фактов, когда пахари от истощения падали в борозды»².

В докладной записке исполняющего обязанности прокурора Уральской области Рябова и старшего помощника областного прокурора Салишева от 10 июля 1933 г., адресованной прокурору РСФСР, первому секретарю Уральского обкома ВКП(б) И.Д. Кабакову и председателю Уральского облисполкома М.К. Ошвинцеву, сообщалось, что «ввиду сгущения в Ордин-

ском районе острого недостатка продовольствия установлены случаи увеличения смертности в связи с истощением, так по Карьевскому с[ель]совету за последние три месяца зарегистрировано 111 смертей. По заключению врачей в большинстве своем смертность исходит от истощения. Из 111 чел. умерло по данному с[ель]с[овету] колхозников 56 чел., единоличников 55 чел. В пищу употребляется разный суррогат (березовое и липовое дерево, ржаная и гороховая солома, крапива, пиканы и другие разные травы), также имеют место случаи поедания кошек, собак и крыс»¹. В этом документе описывался случай каннибализма в Ординском районе: «13-го июня с. г. в дер. Усть-Турке этого же сельсовета вскрыто убийство мальчика 4-х лет с целью употребления в пищу своим отцом. Обстоятельства дела следующие: гр-н Маулитов Нурулла 30 лет, нацмен, проживая с женой в семье имели родного сына 4-х лет, 13-го июня днем Маулитов жену послал в поле за пиканами (травой) для супа и сказал, что будет варить краденого барана. Во время отсутствия жены сына зарезал перочинным ножом, голову бросил на вышку дома, кисти рук и ног бросил на улицу собакам, внутренности запрятал в голбец, остальное все туловище заложил в котел и варил. При осмотре мясо мальчика было обнаружено вареным, и как видно уже употреблялось Маулитовым в пищу, при обыске квартиры хлеба или каких-либо других продуктов не обнаружено. Маулитов в убийстве мальчика с целью употребления в пищу признался и указал: это заставило сделать – голод, и что он жил исключительно кошками и собаками; кошек съедено до 100 штук и 2 собаки»².

Лишения простых граждан отражены в их письмах генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину, первому секретарю Уральского обкома ВКП(б) И.Д. Кабакову и другим руководителям центрального и регионального уровней партийно-государственной системы власти. Эти письма представляют группу документов личного происхождения. Рабочие и крестьяне недоумевали, почему они, сражавшиеся за революцию, работавшие на социалистических стройках, живут в нищете и страдают от недоедания и голода. В.И. Новоселов, плотник из села Янычи Пермского района Уральской области, в январе 1933 г. писал И.В. Сталину: «...я по специальности плотник, произошел из бедняцкой семьи... на своем иждивении имею три человека детей и жену... пайка мне не хватает и иногда по суткам сидим в полном смысле голодом... зарплату мне платят 120 рублей в месяц, и если хлеб покупать на рынке у перекупщиков-спекулянтов, то надо платить 90 руб. за 16 кило очень дрянной ржаной муки, которые я не

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 197. Л. 110-112.

² Там же. Л. 31.

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 197. Л. 133-133об.

² Там же.

могу приобрести в силу того, что мне нужно одевать и обувать семью и самого себя»¹.

Таким образом, источниковая база темы голода обширна и разнообразна. Охват подобного массива источников требует тщательной верификации содержащихся в них данных на основе внешней и внутренней критики источников. Формирование адекватной исторической картины голода предполагает критический подход к анализу документов советской эпохи. При выяснении достоверности сведений архивных документов устанавливаются авторство документа, место, время и цели его создания, определяются подлинность, способ воспроизведения текста, механизмы получения информации, то есть осуществляется внешняя критика источника. Среди документов ЦДООСО есть как машинописные, так и рукописи. Наряду с подлинниками в архиве находятся копии, заверенные копии, отпуски без оригиналов. В большинстве документов указаны автор, время и место их создания. При выяснении достоверности учитываются пометы на документах, включая авторскую правку, делопроизводственные отметки, резолюции. Критическое отношение к содержанию документов предполагает проведение сопоставления, сравнения сведений различных документов, опубликованных и принадлежащих разным архивным фондам.

Е.Ю. Баранов,
к. и. н., доцент, старший научный сотрудник
Института истории и археологии УрО РАН

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СССР В 1937 г.:
ПЛАНЫ И.В. СТАЛИНА И ИХ ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ
НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ
(по материалам Центра документации общественных организаций
Свердловской области)**

Изменение принципов подбора и расстановки руководящих кадров наряду с перестройкой деятельности комитетов ВКП(б) в соответствии с требованиями устава партии и «основами внутривластного демократизма» (развитие критики и самокритики, введение тайного голосования при выборах партийных комитетов всех уровней, повышение ответственности партийных органов перед «партийными массами», активизация этих самых масс и т. д.) явились ключевыми элементами реформирования И.В. Сталиным советской политической системы в 1937 г.

«Кадры решают все!» – озвучил Сталин лозунг в своей знаменитой речи в Кремле на выпуске академиков Красной армии в мае 1935-го, и призвал уделять больше внимания работе с кадрами¹. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. Сталин потребовал подбирать кадры не по личному знакомству, личной преданности и приятельским отношениям, а по деловым признакам. В качестве отрицательного примера он привел кадровую политику первого секретаря ЦК КП(б) Казахстана, бывшего секретаря ЦК КП(б) Азербайджана и Уральского обкома ВКП(б) Л.И. Мирзояна. Мирзоян игнорировал местные казахские кадры, и, по выражению Сталина, таскал за собой приятелей, дружков из Азербайджана и с Урала, расставляя их на ключевые посты в республиканском партийно-государственном аппарате, создал группу лично ему преданных людей. «Так подбирать людей не годится, – наставлял Сталин. – ... Этот метод подбора не большевистский, я бы сказал, антипартийный метод подбора людей, с этим методом товарищи должны покончить, пока не поздно»².

Свердловский секретарь Иван Дмитриевич Кабаков присутствовал на пленуме ЦК, выступал, клялся в приверженности линии Сталина, одобрил его доклад и вместе со всеми проголосовал за резолюцию пленума³. Наверное, по возвращении в Свердловск Кабаков, «засучив рукава», тотчас принялся за реализацию указаний главы государства?

¹ Сталин И. Вопросы ленинизма. Издание одиннадцатое. М., 1947. С. 490-491.

² Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1995. № 11-12. С. 13-14.

³ Там же. С. 22-23; Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1995. № 5-6. С. 13-16.

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 197. Л. 38-40.

Среди местной партноменклатуры не было секретом, что второй секретарь Свердловского городского комитета ВКП(б) занимает особое положение в областной властной иерархии. В кресле второго секретаря «столичного» горкома сидел выдвиженец Кабакова, его давний приятель по совместной работе в Туле Михаил Васильевич Кузнецов (во второй половине 1920-х Кузнецов работал заместителем ответственного секретаря Тульского губкома ВКП(б) И.Д. Кабакова и одновременно заведовал орготделом губкома, т. е. занимал вторую позицию в губернском руководстве). Кабаков затребовал Кузнецова на Урал в 1933 г., когда тот учился в Москве на втором курсе Историко-партийного института красной профессуры, назначил его первым секретарем горкома в Нижнем Тагиле и сразу ввел в состав кандидатов в члены бюро обкома. Несмотря на отсутствие каких-либо явных успехов Кузнецова в руководстве Нижним Тагилом (строительство Новотагильского металлургического завода, например, за время его правления практически не сдвинулось с места), Кабаков в 1935 г. перевел его в Свердловск первым секретарем горкома ВКП(б). Из образования за плечами у Кузнецова было высшее начальное училище в деревне Дураково Калужской губернии, бухгалтерские курсы, неоконченные курсы по подготовке в вузы, полгода учебы в губернской совпартшколе, и, как уже говорилось выше, один курс Историко-партийного института красной профессуры, готовившего специалистов в партийно-идеологической сфере – работников отделов пропаганды и агитации комитетов ВКП(б) и преподавателей общественных наук в вузах. Ни дипломом о среднем или высшем техническом образовании, ни записью в личном листке по учету кадров о сколько-нибудь значимой административно-хозяйственной работе, чтобы со знанием дела руководить такими крупными промышленными центрами как Нижний Тагил и Свердловск, Кузнецов не располагал¹. Вероятно, на образование важному партийному чиновнику катастрофически не хватало времени. Зато Кузнецову сполна хватало времени на то, чтобы разводить интриги против второго секретаря Свердловского обкома ВКП(б) К.Ф. Пшеницына – ставленника Москвы, а не Кабакова, – и делалось это, разумеется, не без одобрения последнего. Не жалел Кузнецов ни времени, ни сил также на сотворение вокруг Кабакова ореола «вождя уральских большевиков», создание сладостной атмосферы подхалим-

¹ Сушков А.В. Руководители города Свердловска: первые секретари горкома ВКП(б)–КПСС (1932–1991), вторые секретари горкома ВКП(б) (1937–1950): историко-биографический справочник. Екатеринбург, 2007. С. 42-43; Сушков А.В., Яркова Е.И. «Я не враг народа». Документы о причинах самоубийства второго секретаря Свердловского обкома ВКП(б) К.Ф. Пшеницына. 1937 г. // Исторический архив. 2008. № 3. С. 119; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 26. Л. 90.

ства и угодничества, причем весьма преуспел в этом деле: даже член Политбюро ЦК А.А. Андреев признавал за Свердловской областью особые успехи в развитии подхалимства. И работал Кузнецов непременно с оглядкой на хозяина, бывало, даже прерывал заседание бюро Свердловского горкома специально, чтобы съездить до обкома и согласовать с Кабаковым то или иное решение бюро¹.

Что касается подбора кадров, то Кузнецов брал пример с непосредственного начальника и двигал во власть своих тульских приятелей, таких же грамотеев, как он сам. В частности, среди тех, кого Кузнецов пристроил к уральской «партийной кормушке», оказался Леонид Николаевич Пальцев – выпускник семилетней трудовой школы, сменивший в Тульской губернии немало руководящих комсомольских и партийно-пропагандистских должностей. Кузнецов вызвал его в Нижний Тагил в начале 1934 г. и поставил руководить культурно-пропагандистским отделом горкома ВКП(б), а спустя уже три года, в 1937-м, Кабаков назначил Пальцева на руководство этим горкомом партии. Вот так тридцатилетний пропагандист, общий производственный стаж которого ограничивался годом и восемью месяцами работы рассыльным и чернорабочим на Тульском оружейном заводе и подручным слесаря на Тульской самоварной фабрике, возглавил один из крупнейших промышленных центров Урала².

По возвращении с февральско-мартовского пленума ЦК И.Д. Кабаков в соответствии с установками Сталина должен был убрать Кузнецова с ключевой должности и подобрать вместо него крепкого администратора-хозяйственника, желательно имеющего диплом технического вуза и, разумеется, с партбилетом в кармане. Кабаков, однако, этого не сделал и оставил преданного Кузнецова своим замом по горкому. Не подобрал Кабаков и нового председателя облисполкома вместо арестованного в январе 1937 г. Василия Федоровича Головина. На место Головина Кабаков пытался посадить своего старого знакомого, бывшего зампреда Уральского облисполкома Михаила Алексеевича Советникова, после разделения области в 1934-м занимавшего кресло председателя Челябинского облисполкома (как раз в начале 1937-го это кресло под ним зашаталось). Но Сталин отказал Кабакову, и последний сохранил исполнение этих обязанностей за заместителем председателя Г.П. Плинокосом, кандидатура которого также не соответствовала сталинским требованиям. А председателя областного совета профсоюзов, члена бюро обкома Г.С. Богачёва, партийного пропаган-

¹ Сушков А.В., Яркова Е.И. «Я не враг народа»... С. 119; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 26. Л. 29; Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 252-253.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 20. Д. 2866. Л. 1-5, 7, 12-20.

диста по образованию, утратившего свою должность в связи с ликвидацией облпрофсовета, Кабаков заботливо пристроил первым секретарем горкома ВКП(б) в Нижний Тагил, когда там был арестован предыдущий секретарь Л.Н. Пальцев¹.

И.Д. Кабаков решительно сражался с другим важным сталинским нововведением – с новой системой выборов руководящих парторганов, предполагавшей возможность обсуждения и отвода любой из выдвинутых кандидатур и тайное голосование по каждой кандидатуре. С внедрением этой системы стало невозможным гарантировать сохранение номенклатурных постов за нужными ему людьми. А в ходе кадровых перестановок теперь необходимо было учитывать мнение рядовых членов парторганизации.

В феврале 1937 г., накануне введения новой системы выборов, в областном руководстве созрела идея сменить первого секретаря Ленинского райкома ВКП(б) г. Свердловска, выдвинув на этот пост бывшего егоршинского секретаря Николая Васильевича Федченко. Избрание Федченко сначала на районной партконференции в состав пленума райкома, а на пленуме – первым секретарем – прошли без сучка и задоринки. С тех пор минуло лишь три месяца, и в середине мая очередная конференция стала формировать новый состав райкома в соответствии с последними сталинскими нововведениями.

Серьезные проблемы с Федченко возникли на стадии обсуждения выдвинутых кандидатур. Делегатам конференции стало известно, что в его бытность секретарем райкома в Егоршино он «зажимал самокритику», игнорировал мнение рядовых членов партии, протаскивал «сомнительных личностей» во власть. Секретаря засыпали вопросами об его прошлой работе. В ходе «допроса» Николай Васильевич признался, что на Урале он оказался благодаря своему старому знакомому по комсомольской работе, первому секретарю Пермского горкома ВКП(б) И.Н. Корсунову, поговорившему затем на «деле пермской лечкомиссии». Корсунов пристроил давнего приятеля в горком на заведование орготделом, т. е. фактически сделал своим замом. Вопросов у делегатов возникало все больше, и почувявший неладное секретарь горкома Кузнецов, присутствовавший на конференции, вышел на трибуну защищать обкомовского протеже. «Материал, который подан сейчас, ни преданность [партии] товарища Федченко, ни [его] деловых качеств не опорачивает», – заявил делегатам Кузнецов.

¹ Сушков А.В., Разинков С.Л. Руководители Свердловской области: первые секретари обкома ВКП(б)–КПСС и председатели облисполкома. 1934–1991: биографический справочник. Екатеринбург, 2003. С. 97-100; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 2. Л. 82; Оп. 20. Д. 368. Л. 1; Оп. 63. Д. 279. Л. 8-9.

Но сталинская демократия уже всю набрала ход. «Товарищ Кузнецов, нельзя же конференцию ставить перед таким фактом: вы голосуйте, а это не принимайте во внимание», – заявил под одобрительные возгласы из зала один из участников конференции. Один за другим делегаты стали выражать недовольство позицией Кузнецова. Все явственней становилась перспектива отвода Федченко из списков, что ставило крест на планах областного и городского начальства. Вечером на подмогу Кузнецову приехал К.Ф. Пшеницын и тоже принялся продавливать нужную кандидатуру. Наконец, общими усилиями членам бюро обкома удалось это сделать¹.

Другой «горячей точкой» стал вагоностроительный завод в Нижнем Тагиле. На общем партсобрании вагонзавода в ходе выборов заводского парткома и делегатов городской партконференции коммунисты «прокатили» директора завода Г.З. Павлоцкого. Узнав о произошедшем, Кабаков по телефону связался с тагильским секретарем Г.С. Богачёвым и потребовал от него «придраться к чему-нибудь», чтобы аннулировать результаты голосования, после чего организовать повторные выборы и «избрать» директора. Богачёв по каким-то причинам не выполнил эти указания, а вот в Красноуральске, по заверениям тагильского секретаря, подобное распоряжение хозяина области реализовали².

Кабаков не считал нужным скрывать свои планы относительно тех местных партийных начальников – его, разумеется, ставленников, кто будет забаллотирован в ходе тайного голосования. Инструктору Центральной избирательной комиссии, прибывшему в Свердловск, он признался, что планирует укомплектовать ими аппарат облисполкома³. Следовательно, заваленные на выборах районные и городские руководители, по замыслу Кабакова, должны были с высоко поднятой головой покинуть провинциальные властные структуры и перебраться в областной центр, где их ждали высокие властные кабинеты, благоустроенные квартиры, дополнительные денежные пособия и прочие номенклатурные радости. Вот так незамысловато предпринимаемые Сталиным усилия по очищению партийно-государственного аппарата от наиболее зарвавшихся чиновников Кабаков планировал свести на нет.

Патрон-клиентские связи, крепко опутавшие управленческий корпус Свердловской области, являлись основой благосостояния партноменклатуры, ее привилегированного положения в обществе. Эти связи придавали прочность и могущество «уральской империи» И.Д. Кабакова. Отсюда

¹ ЦДООСО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 5. Л. 48-90, 508; Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 7, 15-16.

² Там же. Ф. 4. Оп. 15. Д. 26. Л. 56.

³ Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 104. Л. 126.

стремление уральского вождя любой ценой, во что бы то ни стало, невзирая на верховную власть, сохранить лично преданных ему людей на ключевых позициях в партийно-государственных структурах.

После смещения с должности и ареста Кабакова в мае 1937 г. на его место в Свердловск решением Политбюро ЦК ВКП(б) был назначен бывший первый секретарь Кировского обкома партии Абрам Яковлевич Столяр. Новому партийному чиновнику, в отличие от объявленного врагом народа предшественника, предстояло стать надежным проводником сталинских политических преобразований на Среднем Урале. Но... Абрам Яковлевич словно ничего не слышал о речи Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК, растиражированной во всех советских газетах, о чем свидетельствовали самые первые его шаги на уральской земле.

В Свердловск новый хозяин области прибыл в сопровождении целой свиты – руководящих работников, помощников и даже шоферов, всего более десятка человек перетащил он за собой из Кирова¹. Самые высокие посты получили Борис Захарович Берман (назначен третьим секретарем обкома ВКП(б)) и Алексей Петрович Грачёв (назначен заведующим промышленным отделом обкома ВКП(б), позже, в октябре 1937-го – председателем облисполкома). Учитывая, что второго секретаря в обкоме не было почти на всем протяжении столярского правления, эта троица стала управлять всеми делами в бюро обкома (или почти всеми, так как к тому времени значительно возросла роль начальника областного УНКВД).

Что это были за люди? Абрама Яковлевича Столяра и Бориса Захаровича Бермана связывала между собой малая родина – Забайкалье, где они появились на свет с разницей в четыре года: первый – в одном из сел Читинского уезда, второй – в самой Чите. Оба участвовали в Гражданской войне, были на подпольной партработе, при советской власти стремились получить партийно-пропагандистское образование: Столяру это удалось, он успешно окончил Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова в Москве, Берман был менее удачлив – учился в лекторской группе Коммунистического университета трудящихся Востока и в Экономическом институте красной профессуры, но ни то, ни другое заведение окончить ему не удалось. И оба трудились на партийно-идеологической ниве, даже в разное время возглавляли один и тот же отдел крайкома в Нижнем Новгороде (Горьком). Когда А.Я. Столяр в конце 1934 г. возглавил Кировский крайком ВКП(б), на должность первого секретаря подведомственного крайкому Удмуртского обкома (в то время Удмуртская АССР входила в

состав Кировского края вплоть до принятия новой Конституции СССР) он провел своего земляка Бермана. А в 1937-м забрал его с собой в Свердловск и сразу возложил на него временное исполнение обязанностей второго секретаря обкома (даже в кабаковские времена вторые секретари обкома были ставленниками Москвы). Разумеется, Старая площадь не дала на это санкцию, направив вторым секретарем бывшего заведующего отделом руководящих парторганов Челябинского обкома Константина Васильевича Абаляева. Столяр с Берманом были вынуждены довольствоваться «лишь» креслом третьего секретаря. Правда, спустя месяц Москва отозвала Абаляева из Свердловска и направила в Саратов первым секретарем обкома ВКП(б). Заветное место вновь оказалось вакантным, и Столяр предпринимал отчаянные, правда безуспешные, попытки посадить на него Б.З. Бермана¹.

Зато Столяр не упустил другое важное кресло в руководстве области – председателя облисполкома, в которое посадил сорокаоднолетнего Алексея Петровича Грачёва. Москва на этот раз под напором Абрама Яковлевича не устояла (правда, справедливости ради нужно отметить, что председатель облисполкома, как правило, был «личной номенклатурой» первого секретаря обкома).

Алексей Петрович до переезда в Свердловск работал первым секретарем Кировского горкома ВКП(б) (и совсем чуть-чуть вторым, когда должности первых секретарей обкомов и «столичных» горкомов были совмещены). Это тоже был старый знакомый Столяра по совместной работе в конце 1920-х: когда Столяр возглавлял Канавинский райком ВКП(б) Нижнего Новгорода, Грачёв был его правой рукой – заведующим орготделом, затем – председателем райсовета. По уровню образования А.П. Грачёв заметно уступал даже «пропагандистам» Столяру и Берману: оно ограничивалось лишь начальной железнодорожной школой и тульскими вечерними курсами партактива. Опыт работы также в лучшую сторону не отличался: в послужном списке Грачёва преобладали в основном партийные, меньше – советские и профсоюзные должности. Разумеется, ни по уровню образования, ни по опыту работы Грачев не был подготовлен к высоким постам в Свердловске. Да он и сам это осознавал и даже публично признавал, правда, не во время назначения, а гораздо позже, за неделю до ареста на «антистолярском» пленуме обкома: «О моей работе. Я прямо должен сказать, для меня понятна основа основ, провал той работы, на

¹ Сушков А.В., Разинков С.Л. Руководители Свердловской области... С. 28-29; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 4. Л. 99-100, 109-110; Оп. 23. Д. 127. Л. 2-5; Оп. 33. Д. 12. Л. 136.

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 12. Л. 130-131.

которой я работал и в промышленном отделе, и в облисполкоме, является мой уровень развития. Заявляю, что не нежелание работать, желание работать у меня есть, энергии работать достаточно, но, вероятно, уровень развития таков, что порученная мне работа оказывалась и оказалась абсолютно не по плечу»¹. Столяра некомпетентность Грачёва волновала мало, ему важно было посадить «своего человека». И Грачёв верой и правдой служил своему патрону.

Абрам Яковлевич положил немало сил на трудоустройство в Свердловске «своих людей», некоторые кадровые решения дались ему с трудом. Порой Столяр шел на серьезный риск, как, например, в случае с Львом Абрамовичем Цехером – бывшим заведующим Горьковским краевым отделом народного образования, последний год работавшим в Наркомате просвещения РСФСР в кресле начальника управления средних школ. Столяр пообещал Цехеру должность заведующего отделом школ и науки в обкоме партии и получил от него согласие. Отдел школ ЦК тоже дал добро. Заминка вышла на областной партконференции в июне 1937-го. При выборах в состав членов обкома Цехер честно заявил, что до вступления в партию большевиков чуть менее года состоял в партии меньшевиков-интернационалистов. На Цехера накинута с вопросами: «Сколько времени были в меньшевиках?», «В октябрьские дни какое участие принимали в борьбе против большевиков?», «Есть ли родственники за границей?», «Кто ваши братья?». Только под давлением А.Я. Столяра и председательствовавшего на заседании Б.З. Бермана делегаты проголосовали за включение Цехера в список для голосования².

В последующем Столяр продолжал расставлять «своих людей» на ключевых партийно-государственных постах, не принимая во внимание их образование и опыт работы. Так, в феврале 1938 г. он провел своего помощника, имевшего за плечами семь классов Кулебакской школы 2-й ступени и Нижегородскую совпартшколу, «пропагандиста» по опыту работы Александра Сергеевича Морозова на кресло третьего секретаря Свердловского горкома ВКП(б). Учитывая, что первым секретарем горкома был сам Столяр, а второй – ставленник Москвы Е.А. Шокин оттеснялся от реальной власти Столяром и к тому же болел, руководство крупным индустриальным центром сосредоточилось в руках Морозова³.

Пример Свердловской области показывает, что в ходе реализации своей политики Сталин столкнулся с молчаливым сопротивлением региональных первых секретарей. И это неудивительно, ведь местные вожди практически в одночасье должны были расстаться со своими культами, с такой любовью возвращенными в первой половине 1930-х, стать лишь частицами безликой партноменклатуры, подвергающимся критике как сверху, так и снизу, вынужденными наряду с «простыми смертными» проходить через унижительную процедуру тайного голосования в состав партийных комитетов, рискуя быть неизбранными. Риск этот многократно возрастал, если бы руководящие кресла в области занимали люди, не связанные патрон-клиентскими отношениями с областным вождем.

А.В. Сушков,
к. и. н., старший научный сотрудник
Института истории и археологии УрО РАН

¹ Сушков А.В., Разинков С.Л. Руководители Свердловской области... С. 105-106; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 12. Л. 103-104.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 5. Л. 48-52.

³ Там же. Оп. 23. Д. 1131. Л. 2, 2 об, 9, 14-15; Оп. 33. Д. 11. Л. 53-55; Д. 12. Л. 138.

МАТЕРИАЛЫ ЦЕНТРА ДОКУМЕНТАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЗАКРЫТЫХ АТОМНЫХ ГОРОДОВ

Во второй половине 1940-х гг. в рамках реализации атомного проекта СССР в Свердловской области началось строительство первых заводов по разделению изотопов урана по технологии газовой диффузии и электромагнитным методом. Первое предприятие стало градообразующим для г. Новоуральска, второе – для г. Лесного. Вплоть до начала 1990-х гг. существование аналогичных закрытых атомных городов в нашей стране (в общей сложности десяти) было засекречено. Они имели номерные наименования и не значились на географических картах. Изменения в социально-политической ситуации дали возможность исследователям обратиться к изучению различных граней истории появления ядерного оружия. Однако сразу возникла и остается актуальной проблема обеспечения подобного рода исследований репрезентативными источниками: несмотря на процесс публикации соответствующих документов и материалов¹, до сих пор многие из них сохраняют гриф «совершенно секретно». Поэтому воссоздание всеобъемлющей истории советского атомного проекта – и сегодня злободневная исследовательская задача.

Одним из важных аспектов изучения атомного проекта СССР является история закрытых атомных городов как обращение к «малым жизненным мирам» (Х. Медик, А. Людтке). Смело можно утверждать, что эти города были особенными по многим параметрам – по масштабам и принципиальной новизне решаемых их градообразующими предприятиями производственных задач, по организации жизненного городского пространства, по составу населения, по регламентации повседневной жизни. Это своеобразно интересно и само по себе как феномен. Но, кроме того, его анализ проливает свет на вопрос успешности процесса создания советского атомного оружия в короткие сроки, а если шире – позволяет лучше понять советскую жизнь.

В представлении источников изучения особенностей существования закрытых атомных городов далеко не последнее место занимают делопроиз-

водственные документы местных органов государственной власти и управления, сосредоточенные в Центре документации общественных организаций Свердловской области. К ним относятся протоколы заседаний, справки, отчеты политотделов ЗАТО¹; протоколы общегородских партийных конференций, партсобраний, конференций градообразующих и других предприятий и учреждений закрытых городов; протоколы пленумов, заседаний бюро ГК КПСС, справки партийных комиссий по подготовке вопросов к пленумам и заседаниям бюро; протоколы заседаний городских Советов народных депутатов. Особой разновидностью делопроизводственных документов являются письма жителей закрытых городов в центральные, областные и городские партийные органы. Они содержат информацию о социальных явлениях и процессах, об участвующих в них людях, их взаимоотношениях, поведении, мотивах, социально-психологических чертах и оценках происходящего. Письма отражают образ жизни, свойственный социальной группе, к которой принадлежал автор документа в период его создания.

Из этого комплекса документов мы можем почерпнуть информацию о режиме и формировании особой атмосферы секретности, подогреваемой призывами к постоянной бдительности. «Советское правительство уделяло и уделяет серьезное внимание вопросам повышения политической бдительности, – говорилось в выступлении работника КГБ. – В настоящее время эта задача приобретает характер особо важной необходимости, ибо правящие круги империалистических государств активизировали деятельность своих разведок»². «Получены достоверные данные о появлении в районе нашего объекта в 1956–1960 гг. агентуры иностранных разведывательных органов, и не исключено, что ей удалось собрать какие-либо сведения»³. Контент-анализ протоколов городских партийных конференций городов Лесного и Новоуральска показал, что именно категория «условия режима и секретности» занимает первое место по количеству упоминаний среди общественных показателей. С позиций того времени это естественно, поскольку от соблюдения данных условий зависела реализация главной задачи, ради которой создавались закрытые города. Но с одной стороны, работа над повышением бдительности иногда доходила до абсурда. Так, работнику КГБ показалось крайне опасным упражнение по русскому языку, которое было задано ученикам 2 «А» класса школы № 61 г. Свердловска-45 (Лесного): дети должны были написать ближайшие на-

¹ Курчатовский Институт: история атомного проекта. В 16 вып. М., 1995–1998; «Атомный проект СССР: Документы и материалы». В 3 т. / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. М.-Саров, 1998–2010; История создания ядерного оружия в СССР 1946–1953 годы (в документах). В 8 т. / Сост. В.В. Колюк, П.П. Максименко, А.Д. Пелипенко, А.Б. Сельверов, Г.А. Соснин, В.С. Кострыкин. Саров (Арзамас-16), 1999–2001.

¹ ЗАТО (закрытое административно-территориальное образование) – современное официальное наименование закрытого города.

² ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 4. Д. 2. Л. 95.

³ Там же. Оп. 1. Д. 5. Л. 97.

селенные пункты от города и название реки, протекающей в окружении. «Учитывая, что данная письменная работа может попасть в руки посторонних лиц, не имеющих отношения к объекту, они могут явиться источником разглашения места дислокации», – указывалось в донесении¹.

В целях поддержания режима секретности частная жизнь горожан, их настроение подлежали тотальному контролю: силами первого отдела (КГБ) прослушивались телефонные разговоры, отслеживались темы и содержание бесед в неформальной обстановке, просматривалась личная корреспонденция². Благодаря этому мы можем узнать, как закрытый город воспринимался теми, кто в нем не жил, например, военными строителями г. Новоуральска, чьи письма сохранились в фондах ЦДООСО.

«Я работаю на строительстве – это площадка в 6 кв. км обнесена четырьмя заборами из колючей проволоки и охраняется часовыми. В этой зоне столько заводов, что даже счету их не знаю, а что они выпускают – никто не знает. Здесь все засекречено. Этот город секретный. Это не настоящий Свердловск, а совсем другой город, и он спрятан в горах, что даже не карте он не существует. Весь город охраняется пограничниками, как на границе. Никто не может выехать из города без пропуска, и сюда тоже никого не пускают – хоть брата и то сюда не пускают»³. «Мы, когда идем на работу, то нас пропускают через ворота, которые открываются и закрываются автоматически, – писал другой военнослужащий. – Каждый из нас сфотографирован и каждому из нас присвоен номер. У меня, например, № 952. Проходя на работу и обратно, проходим через какие-то будки и кричим свои номера, а они сверяют по фотокарточке с номером и только тогда пускают и выпускают. Что это за завод – не знаю, потому что здесь более 50 заводов. Над этим городом самолеты не летают. [...] Однако то, что я тебе здесь написал, ты никому ни слова, потому что нас предупредили, чтобы мы никому ни слова что здесь делается и что мы видим. Здесь запретная зона. Кругом лес и горы»⁴.

Кто-то пытался объяснить родным и знакомым, где находится место службы: «[...] Поверь мне, я служу и сам не знаю, где служу. Этот поселок названия не имеет, а принадлежит к г. Свердловску, но от Свердловска до нас – 80 км. Для того чтобы сюда приехать, очень много документов нужно собирать». Кто-то из солдат старался придерживаться режима неразглашения: «Дорогие родители, позднее попытаюсь написать Вам, где я рабо-

таю. Сейчас никак не могу об этом сообщить. Если я вам напишу, где нахожусь и чем занимаюсь, то придется надолго задержаться в Сибири»¹.

Одни считали, что Свердловск-44 (Новоуральск) – большой город: «[...] мы здесь охраняем склады очень большого значения. Всю ночь возят новую технику. Этот город очень большой², но в случае войны здесь будет озеро в течение двух часов, т.е. как будто ничего не было». Другие имели диаметрально противоположное мнение о масштабах поселения, а иногда и совсем невероятные предположения о его месте нахождения: «[...] нас с работы сняли и перевели на границу и все время сидим наготове, в том числе и ночью. Потому, что мы недалеко от китайской границы, и здесь много собрано интересного и заводы. Мы не знаем, как называется этот город, и никак не можем узнать. Хоть они и называют его Свердловском, но это неправда, потому что Свердловск – большой город, а это маленький городок и находится в горах»³.

Чтобы формировать отношение к закрытому городу у проживавших там людей, на местных партийных собраниях и конференциях постоянно повторялась тема исключительности города: «работникам предприятий, организаций и учреждений города созданы определенные материально-бытовые преимущества, в результате чего доходы населения города значительно превышают доходы трудящихся на обычных предприятиях»⁴. «Наш город является режимным, и не каждый, кому бы захотелось, может проживать в нашем городе»⁵. И местные партийные руководители, и представители областных партийных организаций и Министерства среднего машиностроения подчеркивали, что закрытый город «дорого обходится стране», государство «где-то недодает, чтобы лучше снабжать объект», а потому снабжению города могут позавидовать все другие города области⁶.

Подобные высказывания имели под собой реальные основания. Закрытые города по мере их развития отличало от «обычных» городов сравнительно лучшее качество жизни по многим параметрам – благоустройство города, обеспечение жильем, продуктами питания и товарами культурно-бытового назначения. Невозможность влияния извне и больший контроль обеспечивали довольно низкий уровень преступности. Систематические и злостные нарушители общественного порядка (неработающие, пьянствующие, ведущие аморальный образ жизни) по решению спецсуда выселялись из закрытого города⁷.

¹ ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 17. Д. 13. Л. 115.

² На время написания письма население города было немногим более 48 тыс. человек (Там же. Оп. 16. Д. 16. Л. 16).

³ Там же. Оп. 17. Д. 13. Л. 115.

⁴ Там же. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 1. Л. 64.

⁵ Там же. Д. 150. Л. 116.

⁶ Там же. Д. 1. Л. 59; Ф. 5459. Оп. 1. Д. 1. Л. 53; Оп. 4. Д. 2. Л. 102.

⁷ Там же. Ф. 5459. Оп. 7. Д. 1. Л. 88, Ф. 4458. Оп. 1. Д. 150. Л. 116.

¹ ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 8. Л. 51.

² Там же. Л. 52, 70, 76, 97, Д. 115. Л. 25; Ф. 5459. Оп. 1. Д. 5. Л. 98; Оп. 7. Д. 1. Л. 88.

³ Там же. Ф. 5459. Оп. 17. Д. 13. Л. 113.

⁴ Там же. Л. 114.

Однако хотя бытовые преимущества, наполнявшие обыденную жизнь, и ценились резидентами ЗАТО, являясь мотивами и стимулами проживания в условиях режимных ограничений (в том числе и свободы передвижений), это не застраховало жителей закрытых городов от появления критических настроений в адрес советской власти в целом. «Материальное положение наших трудящихся лучше, чем в других городах, – читаем в протоколе III партийной конференции г. Лесного (1958 г.), – а настроение у отдельных граждан хуже, заедает обывательщина [...]»¹. И поскольку пессимистичные и «упадочные» взгляды, неверие в КПСС и проводимую ею политику, «элементы анархического нигилизма, ревизия норм и категорий марксизма-ленинизма» были опасными для власти сигналами, на режимном объекте они фиксировались с особым вниманием. Перлюстрированные письма, справки о политических настроениях трудящихся доносят до нас настрой, царивший за парадным «фасадом» советской власти. «[...] А жизнь по-прежнему бедна и убога. Люди живут ради только заработка и насущного хлеба. Больше они почти ничего не видят [...]. Мы, двадцатилетние, проживем в таких вот условиях все свои годы и не увидим ничего лучшего. Будем работать, зарабатывать, проедать и т.д., словно заколдованный круг. А ведь все дело в политике...»².

По документам ЦДООСО без труда можно проследить, чем конкретно были недовольны люди в повседневной жизни. Многим не нравился рост цен, объясняемый руководством как временная мера: «Цены на продукты высокие и не видно, будут ли они снижаться». Источником недовольства был долгий рабочий день: «Вот если бы работать по 6 часов в сутки, это было бы дело». Отсутствие конкретности в обещаниях властей увеличить доходы населения тоже было источником критики: «Это еще не говорит о том, что всем повысят зарплату, для меня было бы конкретнее, например, с какого это года повысят зарплату работникам таких-то профессий на столько-то процентов»³. Конечно, обсуждали политику: «Все, что делается, говорят, это от имени народа. На самом деле ни у меня, ни у кого из присутствующих мнения не спрашивали»⁴; «у нас всегда так, дадут список, и выбирай в правительство того, кого уже решили»⁵.

В 1950–1960-е гг. население закрытых городов в письмах и личных беседах часто обсуждало и сравнивало жизнь в Советском Союзе и капиталистических странах.

«В Америке живут во много раз лучше, чем у нас в СССР, – рассуждал житель г. Свердловска-45 (Лесного) в 1951 г. – Когда я жил в Архангельске, то видел, какие туда приходят английские и американские корабли и как одеты англичане и американцы. Я убежден, что народ в Англии и Америке живет хорошо»¹. Информация, хотя и весьма скудная, о жизни на Западе давала пищу для размышлений. «Я помню, – делился другой горожанин, – как в свое время очень много говорили и писали о плохой и тяжелой жизни народов Германии. А во время войны с Германией мы убедились в том, что немецкий народ жил материально хорошо. За границей жизнь трудящихся далеко лучше, чем у нас в СССР»². «[...] он [Хрущев] тебе напишет и наговорит, что мы, советские люди, живем лучше всех в мире, а на самом деле это не так [...], – неосторожно поделился своими мыслями с собеседниками электрик цеха № 1 завода «Электромехприбор». – [...] США вам никогда не догнать, т. к. они тоже на месте не стоят. И то, что пишут у нас в газетах, – это одна брехня»³.

Представители первого отдела неоднократно извещали городские комитеты партии о случаях «преклонения» перед иностранной (как правило, американской) модой, культурой, искусством, техникой⁴. «В капиталистическом обществе – свобода слова. Можешь стать миллионером, хочешь работай, хочешь – нет, – довольно смело размышлял в самостоятельной работе учащийся ПТУ г. Свердловска-44 (Новоуральска) в 1967 г. – Если они и ведут неправильную политику, то у каждой страны своя политика»⁵.

Проблемы жизни в Советском Союзе обсуждались не только в сравнении с капиталистическими странами, но и в сравнении, например, с дореволюционным периодом. «Это неправда, что раньше люди жили плохо, – настаивал молодой военный строитель. – Тогда, например, самый бедный крестьянин имел 3 коровы, 2 лошади. Это разве плохо жилось? И колхозов никаких не было. Все, что посеет, уберет – все для себя, а сейчас [...] весь хлеб отдает государству, а сам лапу сосет»⁶. «Наши отцы и деды при царском самодержавии жили хорошо, – был убежден житель г. Свердловска-45 (Лесного), – только нам об этом не говорят правды»⁷. «[...] Государству все не хватает, все ему мало, все, как в прорву валится»⁸.

¹ ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 49. Л. 73.

² Там же. Л. 112.

³ Там же. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 8. Л. 70.

⁴ Там же. Д. 8. Л. 76, Д. 28. Л. 21, Д. 191. Л. 10, Д. 192. Л. 174; Ф. 5459. Оп. 1. Д. 57. Л. 25, Оп. 15. Д. 1. Л. 69.

⁵ Там же. Ф. 5459. Оп. 15. Д. 1. Л. 96.

⁶ Там же. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 49. Л. 113.

⁷ Там же. Л. 156.

⁸ Там же. Л. 114.

¹ ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 49. Л. 68.

² Там же. Д. 8. Л. 70.

³ Там же. Ф. 5459. Оп. 14. Д. 18. Л. 54.

⁴ Там же. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 192. Л. 173.

⁵ Там же. Ф. 5459. Оп. 14. Д. 18. Л. 51.

Благодаря бдительности отдельных граждан, сообщавших «куда следует» о личных разговорах (в «курилке» цеха, на домашней кухне, в командировке), мы можем узнать, как люди оценивали первых руководителей государства. «У нас управляет один человек – Хрущев, который свою волю навязывает всем и выдает ее за волю народа. Почему он выступает чуть ли не каждый день и все от имени себя, кому это нужно. Сам разъезжает по стране, выдает ордена, а за ним целая свита, в результате чего расходуется народное состояние»¹. Передавались и анекдоты, кому-то показавшиеся крамольными: «В Москве открыли три новых театра: им. Микояна, где идет постановка «Слуга двух господ», им. Маленкова – «В чужие сани не садись» и им. Хрущева – «Много шума из ничего»².

Для кого-то новые политические процессы стали откровением, пошатнувшим жизнь и принесящим разочарования: «[...] в годы Отечественной войны я, как в чистый кристалл верила в И.В. Сталина, по его зову пошла защищать Родину и, получив от него благодарность, я ее хранила как драгоценнейший документ, но когда я услышала о тех безобразиях, которые делал Берия, находясь на работе совместно со Сталиным, я потеряла идеал борьбы. В тот момент я бы наложила на себя руки, если бы у меня не было родителей»³. Другие продолжали верить своим идолам и даже скучали о них: «Наше счастье, что нами руководил И.В. Сталин, – написал в 1967 г. на бюллетене рядовой избиратель г. Свердловска-44 (Новоуральска). – Имя его будет жить в веках». «Дорогой Никита Сергеевич! Как без тебя скучаем. Как хоть ты живешь, чем занимаешься?»⁴ – превратил кто-то избирательный бюллетень в трогательное личное послание низвергнутому кумиру.

Желание выйти за рамки, недоверие к материалам официальной прессы увеличивали интерес к альтернативным средствам массовой информации. Городские комитеты партии закрытых городов располагали сведениями об индивидуальных и коллективных прослушиваниях передач BBC (British Broadcasting Corporation), «Голоса Америки», «Свободной Европы»⁵. «[...] как видишь, у меня уже вторая стадия духовного упадка, – писал своей знакомой в 1966 г. студент Московского инженерно-физического института⁶. – Мне необходимы уже (обязательно) все передачи Voice of America и В.В.С.-corp. [...] Не хватает только упиться в стельку (это невозможно из-за отсутствия денег) [...]»⁷.

Приведенные здесь аспекты – это лишь небольшая иллюстрация тех возможностей, которыми располагает пытливый исследователь в Центре документации общественных организаций Свердловской области, «по следам, по влияниям, методом интерпретации и реконструкции» (Л.С. Выготский) восстанавливающий сферу человеческой обыденности в историко-культурных, политико-событийных и иных контекстах.

Н.В. Мельникова,
к. и. н., старший научный сотрудник
Института истории и археологии УрО РАН

¹ ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 1. Д. 65. Л. 123.

² Там же. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 190. Л. 59.

³ Там же. Ф. 5459. Оп. 1. Д. 65. Л. 42.

⁴ Там же. Оп. 15. Д. 11. Л. 131, 133.

⁵ Там же. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 23. Л. 18.

⁶ В закрытых городах работали филиалы Московского инженерно-физического института.

⁷ ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 14. Д. 21. Л. 51-52.

Управление архивами Свердловской области
Центр документации общественных организаций
Свердловской области

ПАРТИЙНЫЕ АРХИВЫ УРАЛА
Прошлое и настоящее,
перспективы развития

Материалы межрегиональной
научно-практической конференции

Компьютерная верстка Э.А. Богомоловой

Сдано в набор 28.10.2013. Подписано в печать 05.11.2013
Формат 60x84/16
Тираж 100 экз.

Оригинал-макет изготовлен в Управлении архивами Свердловской области:
620004, Екатеринбург, ул. Малышева, 101